

Москва София

[сборник
рассказов]

Мария Малухина

16+

Мария Малухина

Москва – София

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42644096

SelfPub; 2019

Аннотация

«Москва – София» – это сборник рассказов, посвященных жизни в двух странах – России и Болгарии. В части «Москва» – короткие истории из жизни обитателей большого мегаполиса. Трагические и смешные, серьезные и даже иногда мистические, они отражают нервный, пульсирующий ритм «лучшего города Земли». Часть «София» – отклик с другого полюса. Размеренные и излечивающие, трогательные и печальные, но всегда неизменно дающие надежду, эти истории о тех же людях, но с совсем другого ракурса. Автор сборника, уроженка Москвы, в последние четыре года живет в Софии и любит эти два противоположных, но в чем-то невероятно похожих мира одинаково сильно.

МОСКВА

Мироносица

Маша приехала к дому Джоша только через четыре дня. Джош – дурацкая кличка, откуда-то из старшей школы, никто уже точно не помнил, как она появилась. То ли потому, что он был похож на популярного тогда и совсем потом куда-то пропавшего голливудского красавца Джоша Хартнетта, то ли потому что любил говорить не «что ж», а «штош». Штош – Джош. Кто ж его знает.

Узнала она из фейсбука, как все сейчас узнают. Даже и не поняла сначала. «Не может быть». «Как жаль». «Сердце разбито, плачу». Свечки эти бесконечные у всех одноклассников. Никто, главное, не написал, что случилось. И с кем. Только в комментариях у кого-то, наконец, всплыло. Джош. Из окна. Гостиничного номера своего я телевизор выкинул на авто. Была такая песня Нойза, и Джош тем белозубым летом орал ее под гитару.

Тут же появился общий чатик с реквизитами карточки Джошевой мамы. Маша кинула туда пятьсот рублей. Маша не плакала, и какая-то ее часть, которая оставалась холодной и ехидной, думала, что вот, всегда так с Джошем. Как будто они опять плывут до буйка, в те самые счастливые два дня, и их разделяют волны, и голова Джоша, как тот буюк, то всплывает, то ныряет куда-то вниз. Так и теперь, между ней

и смертью Джоша как будто заградительные волны, и до нее никак не дойдет, что надо заплакать, и что Джоша больше никогда не будет.

А она хотела ему написать. За день до, но это сейчас мы знаем, что это был день до, а тогда просто посреди недели Джош вдруг добавил ее в друзья. Через десять лет. Маша подумала-подумала, и закрыла приложение на телефоне. А потом вечером, когда она выпила два с половиной бокала вина, она приняла запрос и открыла чат. Хотела написать, но не понятно было, как начать. «Ну, привет, Джош». «Как дела, Джош». «Ты сказал мне тогда, Джош, что с жизнью надо справляться. Иначе жизнь справится с тобой. Она не справилась, она расправилась, Джош. Такие дела, Джош. А ты, ты-то как, Джош?» Но потом зачем-то заварила себе крепкий черный чай, и вино ушло куда-то далеко, и она не стала ничего писать.

Общий чатик исходил версиями. Версий, впрочем, было всего две. Первая начиналась с «ну, это же Джош», и предполагала галлюциногены. Вторая, которая, впрочем, начиналась совершенно так же, склонялась в сторону суицида. Никто точно не знал, как жил Джош последние годы. Вроде, закончил универ, вроде, работал, вроде, была девушка. Это Алиса написала. Про девушку.

Тем летом после выпускных экзаменов они почти всем классом махнули в Крым. Спорили до хрипоты о преимуществах украинской Мивины над Роллтоном и Дошираком, пи-

ли местное молодое вино, которые продавщицы отпускали им, даже не думая взглянуть на паспорт, курили либо Мальборо с Лаки Страйком – из-за, как говорил Джош, аутентичного дизигна, – либо привезенный блоком из Москвы вишневый уничтожитель легочной ткани Кэптан Морган.

Они сняли домик на всю компанию, – и как только хозяйка не испугалась стаи семнадцатилетних, – и вечерами смотрели фильмы с Джошева жесткого диска. Там вообще все вертелось вокруг Джоша, лучшие шутки, лучшие алко-коктейли, лучший артхаус. Другие парни, конечно, там тоже были, но лето было Джошем. Белозубым, с темной челкой и такими карими, что почти черными глазами.

Семнадцатого июля, Маша помнила, что именно семнадцатого вечером они смотрели «Девственницы-самоубийцы» с Кирстен Данст и Джошевым голливудским тезкой.

– Уже не девственницы, – шепнул Джош ей на ушко в четыре утра восемнадцатого июля.

– Еще не самоубийцы, – шепнула она в ответ.

– Не зарекайся, – ухмыльнулся Джош.

Да-да, не зарекайся, Джош.

Восемнадцатое и девятнадцатое июля, пожалуй, были самыми счастливыми днями Машиной жизни. А двадцатого он трахнул Алису. На втором этаже, прямо над гостиной, в которой все шумно и весело играли. Город засыпает, просыпается мафия. Маша открыла глаза, она была мафией. «Кого убиваем?» – спросил ведущий Игорь. В наступившей ти-

шине вдруг стало слышно то, что происходило над ними. В комнате недоставало только двоих.

– Сейчас увидим, – очень бодро сказала Маша, и рванула наверх. Игорь метнулся за ней. Мало ли.

А вечером, когда все ушли на дискотеку, а она осталась, Маша украла из сумки Джоша бутылек с парфюмом. Это был тяжелый, какой-то совсем неподростковый запах, который на удивление ему шел. От его кожи пахло песком, зыбким полуденным воздухом и какими-то неопределимыми благовониями. Маша брызнула себе на запястье, и на ней духи раскрылись чистым ладаном, душным запахом детства и страха. Бабушка таскала ее в церковь, а Машу очень пугала массивная позолота и курящиеся у икон лампадки. То ли она неправильно поняла бабушку, то ли детское воображение само выдало такой сюжет, но Маше казалось, что церковь – только для отпеваний, а, значит, там всегда лежат покойники, и каждый раз ребенком попадая внутрь она начинала нервно оглядываться и искать мертвое тело.

А потом Маша разбила пузырек о край ванны и попыталась порезать вены. Попыталась, потому что было очень больно, и она испугалась после первого же глубокого пореза и заметалась по ванной комнате, пытаясь остановить кровь и наматывая на порезанное запястье туалетную бумагу.

Он не за ней вернулся, нет, он просто забыл телефон, но пошел на шум, и кинулся, кинулся отклеивать размокшую красную туалетную бумагу, промывать рану под холодной

водой и мазать ее зеленкой.

– Почему? – ревела Маша, пока он заклеивал криво намотанные бинты пластырем, для надежности. – Почему сейчас, Джош?

– Это жизнь, Маш. С жизнью надо как-то справляться, иначе жизнь справится с тобой.

Он больше с ней вообще не разговаривал. И за десять лет, с кем бы Маша ни просыпалась, с кем бы ни ездила на теплые и холодные моря, никогда не было такого счастья, как в те два дня. А пять дней назад он зачем-то добавил ее в друзья на фейсбуке. И ничего не написал. И Маша ничего не написала.

Она приехала под выплюнувшие его окна только через четыре дня. В это время его хоронили на каком-то далеком загородном кладбище, и весь чатик был там, с цветами и венками. Кто-то написал этот адрес, хотя поминки были в ресторане, и этот адрес не имел никакого значения. Мол, там он выпал, на съемной квартире. Просто для общей информации.

За четыре дня, конечно, все убрали. Интересно, кто отмывал его кровь с тротуара? Коммунальные службы? В то лето на жестком диске у Джоша был какой-то американский малобюджет, спродюсированный Тарантино, где главная героиня работала в клининговой фирме, которая отчищала дома после особо кровавых преступлений. А тут, наверное, таджик какой-то. Ядреная краска на заборчиках летом. Потом прелые листья осенью. А потом кровь Джоша. С жизнью на-

до как-то справляться.

Теперь было не понять, куда он упал, поэтому Маша разбрызгивала духи по всему ухоженному палисадничку у подъезда. Если бы дело было летом, Джош своим падением точно поломал бы какой-нибудь ответственной пенсионерке все маргаритки и флоксы. А так просто голая земля. Флакон стоял на полках девять лет, она накопила на эти духи только через год после того лета. Он переезжал с ней вместе с квартиры на квартиру, но через девять лет был почти таким же полным, как сразу после покупки. Она брызгалась ими только пару раз, в безумной пьяной надежде, что духи наконец снизойдут до нее, но аромат упрямылся, и на следующее похмельное утро Маша бежала смывать с себя страшный и душный запах ладана.

Маша так яростно нажимала на холодный металл пульверизатора, что у нее заболел палец, но она продолжала пшикать на землю вокруг себя, пока не закончилась вся сотка, весь флакон. Заиндевелая земля и морозный воздух как будто съели весь запах, забрали его, закрыли его в себе, и не пахло вообще ничем. Маша бросила флакон на землю и пошла к машине.

Было уже поздно ехать на кладбище, и совсем не хотелось в ресторан. Значит, домой. В морозилке куриные ножки, если кинуть в горячую воду, часа за полтора разморозятся. Или вообще пиццу заказать. Все равно, правда, надо в Перекресток заехать, коту совсем есть нечего и молока даже на од-

ну чашку кофе не хватит. Пиццу можно и мороженую там купить.

Маша уже залезла на водительское сидение, и почти закрыла дверь, но вдруг он возник, донесся до нее, почти прозрачный, такой знакомый, казалось бы, должен был забыться за десять лет, но с полусекунды, полувдоха угаданный, узнанный, снизошедший.

Где-то в черноте земли, в холоде, в смерти он соединился с Джошем, с недовытертой таджиком каплей крови и выдал на-гора, последним приветом песок, полуденный дрожащий воздух и легкие неопределимые благовония.

Почему сейчас, Джош?

Это жизнь, Маш.

Вот тут-то она и заплакала.

Лучшие половины

«Этот мир придуман не нами, этот мир придуман не мной...» – грустно звенела Пугачева из динамиков. Видимо, Катерина как-то слишком явно покосилась на магнито-лу, – водитель Убера моментально потянулся переключить на другую станцию.

– Нет, оставьте, – остановила его Катерина.

Дурацкое имя. Просто отвратительное. Потеряло где-то свою начальную «Е», и теперь то ли мечта мушкетера, то ли польская путана. Но такие правила, никуда не денешься.

Действительно, «придуман не нами».

Перед ней на экране закрепленного на передней панели планшета был виден весь маршрут до отеля, но она зачем-то открыла карту на своем телефоне, и смотрела поочередно на обе. Она не боялась, что Убер привезет ее куда-то не туда. Скорее, что привезет точно в место назначения.

Она и в отелях-то таких никогда не останавливалась. Ну, то есть, где-нибудь в Азии, да. Там пять звезд легко себе позволить. Когда это было? Пять? Шесть лет назад? Тогда им с Игорем удалось совпасть отпусками и рвануть на Бали почти на месяц. В другой жизни. Все в другой жизни. А в Москве она вообще никогда не останавливалась в отелях. Никто же не останавливается в гостиницах родного города, если только не... Ну, вот, опять. Завела шарманку. Так. Выключить мозг, глаза на экран. Время до прибытия в пункт назначения – меньше одной минуты, вот и водитель уже становится на аварийках у самого входа в отель.

– Там у вас в приложении отразилось, что наличными? – водитель кивнул, и Катерина протянула ему пару вытасканных из кошелька бумажек.

Она открыла дверь машины и скользнула на улицу, а потом, почти сразу, через крутящиеся двери в отделанный мрамором роскошный вестибюль отеля на одной из околосрединских центральных улиц.

– Решил, видимо, гулять так гулять, – нервно подумала Катерина и подошла к стойке рецепции.

Она боялась, что будет неловко, что придется что-то объяснять, краснеть под насмешливыми все-с-тобой-милочка-понятно взглядами, но стоило ей назвать свое (а точнее, не свое) имя, как вышколенная девушка направила ее в ланч-бар на крышу. В лифт – и на последнюю кнопку. Как сказала вышколенная, там Катерину ожидали.

Катерина не удержалась, посмотрела на себя в огромное лифтовое зеркало, хотя, выходя из дома, зачем-то пообещала себе, что в зеркала смотреться не будет. Она давно себя такой не видела. После аварии – так точно. Как будто ничего и не было. Как будто жизнь пошла по какой-то другой, параллельной колее, в которой она счастливая и красивая, правда ведь, красивая. С укладкой, в простом черном платье, с крошечными бриллиантами в ушах. Подарком Игоря на пятую годовщину. В таком виде она могла бы возноситься в бар на крыше шикарного отеля, чтобы отмечать шестую, седьмую, восьмую годовщину. Там за барной стойкой ее ждал бы Игорь. Без пиджака – ему всегда жарко, заказал себе бокал красного, а на барном стуле рядом с ним – букет ее любимых лилий. Нет, стоп. Никаких лилий. Никакого Игоря. Ничего этого больше нет. Есть только здесь и сейчас. Она же за этим приехала. Здесь и сейчас.

Катерина вышла из лифта в просторное пространство бара на крыше. Летом, когда открывают террасы, здесь, наверное, можно проводить дни и ночи вообще никуда не вылезая, просто развалиться на одном из мягких диванчиков и

бездумно вливать в себя один коктейль за другим. Но даже сейчас, в середине октября, когда стеклянные окна и крыша плотно закрыты, отсюда открывается невероятный вид. Там, за прозрачными стенами, дышит и бьется Москва, качает кровь, деньги и чьи-то силы. Катерина замерла на секунду, ее поймал этот момент, этот вид отчаянно пульсирующего за окном города, и она подумала: «Здесь. Сейчас. Надо жить. Надо просто жить».

Был будний день, и в баре пока что было немного народу, тем более, не так еще и поздно, – усталые бизнесмены подтягиваются ближе к полуночи. Правда, за барной стойкой с интервалом в несколько стульев уже сидело двое таких, усталых. Дорогие костюмы и обувь, приличные часы. Обои за сорок. Один потягивает из квадратного стакана виски. Другой хлопает сквозь трубочку совершенно с ним не вяжущимся тропическим девчоковым коктейлем.

Катерина решительно направилась к этому, с коктейлем. Села на соседний стул. Сняла пальто. Никаких лилий. Никаких цветов. Ну, а чего ты хотела?

– Георгий, да?

Мужчина повернулся к ней, улыбнулся. Зря она боялась. Симпатичный. Подвижное лицо, умные, серые глаза с морщинками в уголках. Любит смеяться, наверное.

– А вы, я так понимаю, Катерина?

– Точно, – Катерина жестом подозвала полирующего на другом конце стойки бокалы бармена. – Хорошо, что вы ме-

ня предупредили... Ну, что любите дамские коктейли.

– Может, сразу на ты? – предложил Георгий.

– Окей! Так вот, я бы вас... тебя, в смысле, никогда бы иначе не узнала. Ну, кто из вас кто, – Катерина кивнула головой на их соседа с бокалом виски.

Георгий обернулся, чтобы рассмотреть второго мужчину.

– Мне один Космополитен, пожалуйста, – попросила Катерина подоспевшего бармена.

– Ну, по крайней мере, моя фруктовая фигня хоть немного отличает меня от этого ходячего клише «усталого бизнесмена».

– Вот, я как раз так про себя вас двоих и назвала.

– То есть, фруктовая фигня мне в твоих глазах, получается, не помогла?

– Нет, не очень, – улыбнулась Катерина. Бармен поставил перед ней длинный стакан с крепким коктейлем. Она потянула немного через соломинку. – Ну, а допустим, если бы помогла. Если ты не клише «усталого бизнесмена», то какое тогда? – спросила она у Григория.

– Может, я вообще не клише?

Катерина преувеличенно комичным жестом, мол, все мы, друг, клише, пожалала плечами, и сделала еще один глоток.

– Ну тогда ты мне и расскажи, – отозвался Георгий. – Ты же наверняка уже успела на меня навесить какой-нибудь ярлык? Да ладно, не стесняйся, все так делают. Я в том числе.

– Да? Ну, и какой у меня ярлык? – поинтересовалась Ка-

терина.

– Слишком красивая.

– Ну-у-у, это уж совсем ленивый комплимент. Не засчитываю, – поддела Катерина собеседника.

– И ты в первый раз, – Георгий знал, что попал в точку. – Я же угадал, да?

– А что, настолько очевидно? – тут же напряглась Катерина.

– Да нет, не настолько. Это я с позиции опыта. Ну, теперь твоя очередь.

– Ты привлекательнее, чем я ожидала. И мне от этого спокойно.

Георгий молча кивнул в ответ.

– Но борзый. И от этого мне не спокойно.

Мужчина расхохотался.

– Борзый! Слово-то какое. Как из детства. Класс! Мне нравится. Ладно, прекрасная дама, выпьем за хороший вечер?

Они чокнулись своими разноцветными коктейлями. И выпили.

Стены коридора кренились, сужались и расширялись, а они все никак не могли добраться до своего номера. У Катерины было какое-то дежа вю, пионер-, а, впрочем, уже не пионер, а просто летний лагерь в конце девяностых, все перепились дешевыми коктейлями из баночек, и пробираются

в ночи обратно по бесконечным коридорам совкового санатория, громко шипя друг на друга, стараясь не разбудить вожатых, но каждые несколько секунд сбиваясь на хохот.

Они с Георгием шли в обнимку, она сняла шпильки еще на выходе из лифта и несла их в руках, и плотный ворс ковровой дорожки съедал звук их шагов.

– Черт, да где они? – Георгий пытался найти по карманам ключи от номера. – Так... сейчас. Не, не в этом... Вот! Номер какой у нас тут? Четыреста шесть.

– Подожди, а мы разве не на третьем этаже?

– Нет, смотри, все номера на четыре. Четыреста четыре, четыреста пять... О-оп. Четыреста шесть! Приехали!

Георгий приложил карточку к электронному замку, и они, толкаясь и хохоча, ввалились номер. Он потянулся было включить свет, но Катерина поймала его руку в последний момент.

– Нет. Не надо.

– Не надо, так не надо.

Георгий поцеловал ее. Точнее, начал целовать так быстро, так внезапно, что она растерялась, отстранилась.

– Извини... Извини, пожалуйста, – забормотала Катерина. – У меня давно... Понимаешь... Не так быстро.

Георгий взял ее за руку.

– У меня самолет через пять часов, – он не был раздражен или удивлен, говорил спокойно, как будто объяснял сложную задачку маленькому ребенку. – У нас не так много вре-

мени. Если ты чего-то хочешь, это должно произойти сейчас. Если передумала – ничего страшного. Ты можешь уйти, это твое полное право. Я не оставлю тебе плохой отзыв, не понижу рейтинг, ничего такого. У меня тоже был первый раз, это тяжело. Я чудом не свалил тогда. Так что если что, я пойму.

Катерина улыбнулась.

– Спасибо. Я остаюсь.

– Точно?

– Точно.

Были поцелуи быстрые и медленные, и одежда летела на пол и на стулья рядом с кроватью. На Катерине было черное белье, дорогое, вчера только купленное, сложносочиненное, с корсетом на крючках, и его пальцы скользили по кружевам, расстегивали крючки на спине, скользили по всему телу, по ребрам, по рукам, по бедрам, по животу... и замерли, черт, замерли там, на ее шраме, страшном мясницком шраме разделанной туши, который шел через весь живот. Шраме, который она так хотела скрыть темнотой и кружевом.

Она дернулась, села на кровати, зажалась, скрестила на животе руки, прикрывая свое уродство.

– Я...я...должна была, конечно, указать в своем профиле... Это, наверное, нарушение правил, да? – зачастила Катерина. – Я просто боялась, что иначе никто не захочет... Но это шрам! Только шрам. После аварии. Мы с мужем были вместе в машине. Он... ну, ты знаешь, что он. А мне повезло – только шрам остался. Все остальное в полном порядке.

Абсолютно целое. Как должно быть!

Она готова была зареветь.

– Но...это, конечно, моя вина. Ты должен был знать и ... ну... иметь право отказаться до...

– Если все остальное в полном порядке... – Георгий придвинулся к ней, обнял напряженную, как будто замершую в ожидании удара спину, – Если все остальное в порядке, то твой шрам меня совершенно не волнует.

Когда Катерина вышла из душа – раскрасневшееся лицо, капельки воды на счастливом, расслабленном теле, Георгий был уже почти одет. Он сидел на кровати и застегивал на себе свежую, явно выглаженную где-то в услужливых отельных недрах рубашку.

– Классный у них душ, да? – подмигнул он Катерине.

– Отличный. Как на массаж ходила.

Она начала поднимать с пола одежду, и, собрав все нужные части гардероба, укрылась за дверцей шкафа и начала одеваться.

– Эй! – она поймала в зеркале на противоположной стене взгляд Георгия. – Не подглядывай!

– Больно надо! – засмеялся мужчина. – Все, что я хотел, я уже увидел.

– Так... – Катерина немного замаялась, но продолжила. – Так как ты тут оказался? В смысле, не тут, а вообще...

– Что, любопытно? Вот забавно, каждый божий раз после

всего веселья люди всегда задают этот вопрос. Как это у англичан? Любопытство кошку сгубило.

– Ну я-то с тобой поделилась, хоть так-то не планировала.

– У моей жены был рак груди.

– Сочувствую, – тихо и серьезно ответила Катерина.

– Да нет, не сочувствуй. Она в ремиссии, вроде все стабильно. Отлично, в общем, все. Только груди у нее нет. Вообще. Вот тут вот, – Георгий показал на грудь, – вообще ничего нет. Одну с опухолью вырезали, вторую хотели оставить, но в итоге превентивно тоже того. Прогнозы там им не понравились. Хотя нет, про то, что ничего нет – это я вру. Она себе тату недавно сделала. Увидела в интернете какой-то проект западный, где женщинам после этих операций татуировки делали, чтобы шрамы скрыть. Ну и она себе сделала. Цветочки, лианы какие-то. Вот так.

– Ясно, – вздохнула Катерина.

– Ты не подумай, я не совсем мудака. А то я расшипелся тут, ядом сижу плюю. Но это так, воздух сотрясти. Я ее люблю. Она прекрасная жена. Обалденная мама. У нас двое. Пацаны. Вообще, просто человек хороший.

Катерина вышла из-за дверцы шкафа. Она успела одеться, и теперь подошла к большому зеркалу, чтобы поправить смазавшийся в душе макияж.

– Слушай... А как ты с этим живешь, а?

– С чем это? – ухмыльнулся Георгий.

– Ну... не совсем мудака, но мудака же, да? И я мудака. И

все мы мудаки. Да не мудаки даже, просто плохие люди. Вот твоя жена – хороший человек, и мой муж, он тоже хороший, а мы – нет.

– Слушай, Катерина. Это же не твое настоящее имя, да?

Она кивнула.

– Мне тоже Георгий не нравится, отвратное имя. Но это хорошо, что их от балды программа выдает. Даже не надо напрягаться, чтобы псевдоним выдумывать. Так вот, Катерина, или не Катерина, послушай. Внимательно послушай, потому что тебе это надо. Это приложение – лучшее, я тебе повторю, лучшее, что могло произойти с нашей семейной жизнью. Ты сама подумай – разве хороший человек становится говном от того, что делает что-то плохое? Даже не плохое, просто предосудительное с точки зрения общественной морали. Посмотри на себя. Ты производишь впечатление приятного человека. Приятного и порядочного – иначе ты бы мне такие вопросы не задавала. В другой какой-то жизни, в параллельной вселенной, я бы тебя пригласил на свидание. А потом на второе. А потом мы бы съездили отдохнуть. И съехались бы вместе. И жили бы долго и счастливо. Может быть. А может, и нет. Не суть. Но в этой параллельной вселенной у тебя и у меня был бы выбор. А тут его нет. Нету его. Либо мы их бросаем – и вот тогда мы действительно, как ты выражаешься, плохие люди. Прямо-таки хрестоматийные злодеи. Либо, вот, как есть. Мы же сохраняем семью, Катя, понимаешь? Потому что мы даем себе крошечную поблаж-

ку, отдушину, форточку приоткрываем, чтобы воздухом подышать. Просто пожить вне заданных обстоятельств, хотя бы пару часов. Я люблю свою жену, люблю. Но что, я, получается, монстр, если у меня на эти цветы татуированные не встает? Никак? Ни с закрытыми глазами, ни в темноте, никак, понимаешь? Я как будто гусеницу трогаю. Как в детстве, такое, вот, детское отвращение, с которым ничего не поделаешь. Я пытался перебороть, но это чистая физиология. И что? Что, я плохой человек после этого, Катя? Может, и плохой. Но я был бы еще хуже, если бы что-то ей сказал. Даже заикнулся бы по этому поводу. Вот в этом я абсолютно уверен. На все сто.

Катерина не знала, что ответить. Она просто смотрела на Георгия, на то, как под искусственным светом ламп его лицо кажется поношенным и усталым. Очень, очень усталым.

Она надела пальто и протянула, было, Георгию руку – целовать его на прощание было как-то глупо, но он поймал ее ладонь и крепко сжал в своей.

– Послушай, мы с тобой никогда больше не увидимся. Я улечу в свой город, сюда я в командировки не часто. Да и приложение второй раз нас не соединит. Но... я просто знаю, через что ты проходишь. Как тебе сейчас хреново. Потому что я это уже пережил. И я знаю, что и поговорить-то об этом не с кем. Дело даже не в том, что у приложения такая строгая политика неразглашения. Хотя, да, хорошо, что посторонних не пускают. И по сарафанному радио узнают. Но не

в этом даже дело. Даже если с кем поделиться, не поймут. Не поймут, Катя. Если о «Лучших половинах» слух наружу просочится, нас же живьем сожрут. Ты представь себе заголовок из серии: «Тиндер для измен инвалидам». И ведь это действительно так. Но вот только им не понять, что для нас это – единственный способ прикоснуться к нормальной жизни. Которой у нас никогда больше не будет. Это как откусить от торта. Кусочек, махонький, на зубок. Потому что им, обычным этим хорошим, сука, людям, торт можно каждый день, а у нас диабет и аллергия на сладкое. Подумай об этом на досуге вместо того, чтобы себя жрать поедом. Я на это потратил первые пару месяцев в «Половинах», а тебе вот, это, бесплатный совет даю. Основанный на собственном опыте.

Он сжал ее руку еще раз и отпустил.

– Спасибо, – сказала Катерина. – За всё.

Хоть уходила она уже в своих туфлях на высоком каблучке, ковровая дорожка все равно съедала звук ее шагов. Как будто ее здесь никогда и не было.

Обратный Убер она заказала не до дома, а до соседней с ним улицы. Не из конспирации – какая тут конспирация, а чтобы зайти в кондитерскую. Кондитерская была крошечная, для своих – для жителей окрестных домов, но продавалось в ней на удивление много всего, и Катерина набрала разного, по чуть-чуть. Кусочек медовика, кусок шоколадного торта, пять разных эклеров, малиновый бисквит, лимон-

ная меренга, фруктовые корзинки и несколько разноцветных макарон.

Шурша пластиковыми коробками в пакете, Катерина зашла в квартиру. В ней стоял сырой, чистый дух влажного паркета, значит, домработница ушла совсем недавно. Не снимая пальто, она прошла в гостиную. Шторы задернуты, и ни свет фонарей, ни шум машин сюда не доходит. Перед огромным плазменным телевизором – глубокое мягкое кресло. Рядом с ним – инвалидная коляска, теперешний ежедневный кошмар.

По телевизору какая-то сложно узнаваемая американская комедия из девяностых. Они все похожи – «Когда Гарри встретил Салли», «Неспящие в Сиэтле». Что-то такое.

– Ты не спишь?

Игорь тихо замычал в ответ. Не спит. Катерина села на подлокотник кресла, осторожно погладила страшную, обожженную щеку. Ему уже не больно, но к этому сложно привыкнуть. Такой ожог – он почти везде. Все тело – один большой ожог. Один большой шрам. Одна большая беда.

– Я так и знала, что ты не спишь. Я тебе всякого вкусного принесла. Набрала ерунды всякой, будем пробовать и жиреть. Сейчас покажу.

Какой там жиреть – он худой, как палка, несмотря на минимум физической активности. Ноги-то всё. Вообще всё. И если бы он набрал хотя бы пару кило, был бы какой-то прогресс. Но прогресса пока нет.

В кармане пальто бикнуло, и Катерина вытащила телефон.

– О, Лиза пишет, что славно посидели. Надо повторить.

Мы и правда славно посидели. Коктейльчиков попили, поболтали.

На экране высветилось уведомление от приложения «Лучшие половины»: «Катерина, пользователь Георгий поставил вам пять звезд. Хотите оценить ваш опыт с пользователем Георгий?» Катерина провела пальцем по шкале, и отправила ему такой же рейтинг.

– Так, давай посмотрим. Значит, тут эклеры. Обычный, фисташковый, малиновый и... вроде, с миндалем. Это пирожные – тут твоя меренга любимая. Это шоколадный торт, а это медовик. Мне, чур, медовик, но могу поделиться. Хочешь?

Игорь тихо замычал в ответ. Телефон опять бикнул. На экране всплыло: «Спасибо за ваш отзыв. Начать поиск нового свидания?»

Игорь пытался поднести ко рту лимонную меренгу, но руки, изувеченные бедные руки дрожали и не слушались.

– Подожди секунду. Я сейчас.

Катерина замерла перед экраном, но это была секундная заминка. Палец опустился на зеленое «Да», и она сунула телефон обратно в карман пальто, вынула пирожное из трясушейся Игоревой руки, и поднесла его прямо к губам мужа.

– Ничего. Ничего. Ты, кстати, не знаешь, что за фильм? «Неспящие»? Там везде Мег Райан, я их вечно путаю. Так,

слушай, давай я сейчас принесу с кухни вилки, и мы с тобой потихоньку со всем разделаемся. Так будет удобнее. Да? Как тебе предложение?

Игорь тихо замычал в ответ, а в кармане Катеринино пальто ответным предложением загорелся зеленый огонек телефона.

От окраины к центру

Алису все это немножечко раздражало. Под «всеим этим» подразумевалась Алисиная жизнь, весь ее простой и привычный, как у всех, уклад. Алису раздражало, что жизнь была как у всех, а сама Алиса была не как все. Она точно знала. Всем не удавалось к тридцати трем обзавестись мужем Егором, прекрасным во всех отношениях ребенком Тусиком (нет, не Натусиком, а Антоном, такое уж у него сложилось домашнее имя) и двумя небольшими бизнесами. Небольшими-то небольшими, а обороты росли прямо пропорционально амбициям Алисы, зубам Тусика и апатии Егора.

Алисе хотелось всего и сразу. Тусику хотелось ванильных сушек. Егору хотелось, чтобы его оставили в покое. Отцовство его почему-то не красило. Гуляя с Тусиком у Воронцовских прудов, Алиса смотрела на подтянутых папаш с колясками и не понимала, как умудрилась выйти замуж за такого тюфяка. На «тюфяке» она себя мысленно одергивала – это было мамино слово, не Алисино. Но действительно, по-

сле рождения сына Алиса молниеносно скинула на кормлении все набранные килограммы, а Егор как-то умудрился их подобрать. Мягкий, рыхлый, с полными бледными руками он теперь вызывал у Алисы какие-то тревожно-сдобные ассоциации. Непропечённое тесто. Не проткнули палочкой, не проверили, готово ли. А теперь осторожно, Алиса, не переешь – будет заворот кишок. Как в детстве пугали.

Вообще, Алису за всю жизнь по-настоящему пугали две вещи – заставка кинокомпании ВИД, эта коллективная травма поколения девяностых, и заворот кишок. Когда бабушка по праздникам пекла кулебяки с капустой, Алиса всегда умудрялась стащить кусочек сырого теста – это же самое вкусное – и бабушка, обнаружив неопровержимые улики в виде оборванного края только что идеально скатанного шара, неизменно всплескивала руками и говорила, что эта девочка, это Божье наказание, обязательно заработает себе заворот кишок.

Алиса представляла, как толстые, жемчужные кишки в ее тощем животе – такие, как она видела на картинке в анатомическом атласе, – приходят в движение и затягиваются в мертвую петлю. Чтобы распутать такую петлю наверняка надо было ехать в больницу на страшной машине скорой помощи – такая часто приезжала к дедушке, а там, там будет яркий свет, ледяной холод скальпеля и хирург из страшилок, которые рассказывал во дворе Вовка Линицкий. В черном-черном городе, в черной-черной больнице. Уxxx... Алису пере-

дергивало от грандиозности последствий заворота кишок, а рука, тем временем, сама тянулась отщипнуть новый кусок сырого теста.

Теперь каждый раз, когда Егор тянулся обнять ее перед сном, из глубин подсознания всплывало что-то такое – сырое, перламутровое и хирургическое, и Алиса тихо вздыхала, ждала, пока муж заснет, и снимала с себя его рыхлую руку.

«Начать, что ли, спать отдельно?» – в такие моменты думала Алиса, но тут же представляла себе эти пары из западных детективов – богатые, неспящие вместе холеные супруги, одного из которых кто-нибудь убивал ударом в затылок. Орудием убийства обыкновенно служило пресс-папье или тяжелая статуэтка конской головы, а выжившая половина при первой встрече с детективом преспокойно попивала свой утренний кофе.

«Нет уж, проще развестись», – заканчивала мысль Алиса и включала в голове картинку пляжа и следов собственных ног, исчезающих в тяжелом мокром песке, – так она засыпала.

Развестись было не проще. Алиса точно не знала, что ее останавливало. Морока расселений, боязнь, что Тусик страдает от их развода или какие-то засохшие остатки любви – «большой, чистой и навсегда», – которая когда-то заставила ее выйти замуж за неразговорчивого айтишника Егора.

Вечерами, уложив Тусика, Алиса устраивалась поудобнее

на кухне, раздавала в мессенджерах ценные указания сотрудникам, а потом шла на женские форумы читать о том, что это все нормально. Ну, то есть, не нормально, но вполне себе как у всех.

Когда Алиса впервые увидела Сашу, она подумала: «Надо с ним замутить». И тут же одернула себя. Замутить... То же мне, девятиклассница нашлась. Правда, помимо стилистического недовольства глупым школьным словом, ничто в Алисином над- и подсознании не воспротивилось этой идее. Она ничего себе не представила. Ни обиженного пухлого лица Егора с капельками пота над верхней губой. Ни плач заброшенного развратной матерью малыша – Тусика. Ни маму, капающую в свою любимую зеленую чашку воняющий на всю кухню корвалол. Ничего.

Поэтому когда Саша – высокий, короткостриженный, с мощными руками и детской улыбкой – попросил ее номер телефона, она продиктовала не раздумывая. Саша был случайным рабочим партнером. Один из проектов требовал сделанную на заказ деревянную штуковину, Сашина компания делала на заказ штуковины. Вот так все просто.

Алиса думала, что они пойдут в кино, или в кафе, или в ресторан, или в клуб, или куда там люди ходят на свидания. Они с Егором были вместе почти девять лет. Она забыла, как это делается. Но Саша сразу повез ее в квартиру в Новой Москве.

То, что раньше было даже не окраиной, заокраиной – пу-

стые поля, березовые рощи, редкие дачки и соседствующие с ними кладбища – покрылось одинаковыми новыми и чистенькими кварталами. Там были свои фитнес клубы, свои Перекрестки и Пятерочки, свои детские сады. В кварталах в основном жили семьи с маленькими детьми.

В Сашиной просторной квартире было четыре комнаты. Пока он гремел на кухне тарелками, Алиса заглянула в одну. Детская. И во вторую. Еще одна. В третьей комнате была большая кинг– сайз кровать и пушистый крупной вязки плед. На прикроватной тумбочке валялась книжка Донны Тарт. Шторы были красивые, льняные, сложного винного оттенка, явно пошитые на заказ.

Алиса аккуратно закрыла дверь спальни и поплелась на кухню.

Саша – веселый, разгоряченный, колдовал над куском мяса. «Наверное, он отлично готовит», – подумала Алиса, а вслух сказала:

– А мы прямо здесь?

– Что здесь? – отвлекся от маринада Саша.

– Я здесь не могу, – сказала Алиса и села на стул. – Ну...

У тебя жена же, да? Дети.

– Так у тебя ж тоже! – возразил Саша.

– Да, но я же... Я же не это... – скисла Алиса, не закончив предложение.

– Алис, я не понял, в чем проблема?

– Поехали куда-нибудь, а? – попыталась все исправить

Алиса.

С фотографии, пришпиленной магнитом на холодильник, на нее смотрела молодая женщина и двое мальчишек. У женщины были светлые волосы, прозрачные русалочьи глаза и тонкий нос. Через нежную кожу проступали венки. У ее сыновей были Сашины озорные улыбки, но материнская тонкость черт и какая-то общая прозрачность. Саши на фотографии не было. Наверное, он снимал.

– Куда, Алис? Зачем? Я мясо как раз домариную и в духовку сейчас закину. Я знаешь, как готовлю – мозг отъешь!

– Где у вас туалет? – зачем-то спросила Алиса.

– Прямо по коридору.

Туалет был совмещен с ванной, и на полочках около раковины толпились банки и баночки, флаконы, тюбики, блистеры. Алиса взяла самую красивую банку, открутила крышку, понюхала. Пахло какой-то неопределимой, но приятной парфюмерной отдушкой. В стаканчике торчали две веселых зубных щетки с головами динозавров. «Надо Тусику такую купить, когда все зубы дорежутся», – подумала Алиса.

Она зачем-то взяла с полки флакон духов и брызнула на себя. Пахло точно так, как должно пахнуть от такой ундины, как женщина с фотографии – морем, водорослями, солью и каким-то свежим фруктом. Может, айвой.

Аккуратным медленным движением, лишь бы не щелкнуть замком, Алиса открыла дверь ванной комнаты, и выскользнула в коридор. Она была совсем другой со своими

каштановыми с рыжими бликами волосами, молочной кожей, ярким румянцем, сладкими терпкими духами – земная женщина, но этот чужой текучий запах дал ей секундную подводную легкость.

Незаметной рыбкой она проскользнула мимо кухни, мимо запаха начинающего созревать в духовке мяса, мимо большого Саши с сильными руками и детской улыбкой, одним движением сдернула с вешалки в прихожей свое пальто, схватила с козетки сумочку и, не дыша, легко справившись с замком входной двери, выскользнула из квартиры.

Прямо у комплекса останавливался автобус, он довез Алису до метро. Трясаясь в полупустом вагоне, она достала из сумки телефон, и нашла несостоявшегося любовника во всех соцсетях.

Ундину звали Ирина.

Если бы кто-то спросил Алису, зачем она все это делает, она не нашлась бы, что ответить. Зачем-то. Зачем-то она изучила все проявления ундины Ирины во всех уголках Интернета. Ирина была фотографом, поэтому уголков было много. Фотографии, такие же неуловимые и текучие, как ее духи, расползались по бесконечному множеству сайтов. Было даже пару выставок, какие-то награды. На своих личных страницах женщина писала мало. Делала какие-то обычные перепосты. Потребуем. Поможем. Пожертвуем. Своих фотографий или снимков с мужем Сашей не постила. Иногда выклады-

вала кадры мальчишек. На чужих фотографиях, где Ирина была отмечена, она всегда получалась хорошо, но как будто не до конца проявлено. Тонкие черты, бледная кожа, блуждающая полуулыбка.

Алиса листала страницы Ирины и нюхала запястье, на котором два дня держался фантомный след странных духов. С тех пор Алиса не брызгалась своими, хотела сохранить этот чужой запах. Водой он не смывался, вода была его стихией, и под струями душа запястье начинало пахнуть сильнее.

– Поехать, что ли, на море, – подумала Алиса в очередной раз принюхиваясь к соленому запаху.

Вместо этого она взяла Тусика, погрузила его в детское кресло, и поехала в Сашин жилой комплекс. Если бы Егор был дома и вдруг спросил бы, куда это они с Тусиком собираются, Алиса сказала бы, что гулять. В Воронцовский парк. Как обычно. Ты-то с нами в парках не гуляешь. Но Егор был на работе и ничего не спросил.

– У Лукоморья дуб зеленый. Златая цепь на дубе том... – преувеличенно бодро рассказывала Алиса Тусику, пока они рулили по Профсоюзной улице. – Русалка там, вот, на ветвях сидит.

– Вавава! – радостно отзывался Тусик, слюнявя очередную сушку.

– Вавава, – соглашалась Алиса.

Чем ближе они подъезжали к комплексу, тем больше Лукоморье в голове сменялось каким-то другим стихом из Али-

синой филологической юности. Тот стих приходил отрывками, и приходил он, конечно, из-за первой строчки.

– Вновь я посетил, – бормотала под нос Алиса. – Вот я вновь посетил. Тататата любви, полуостров заводов, парадиз там какой-то еще и аркадия, но чего? Аркадия, вроде, фабрик...

Это точно был Бродский, какой-то ранний стих, из которого она помнила только эти первые обрывки фраз.

– Вот я вновь посетил, да, Тусик? – бормотала Алиса, паркуясь снаружи массивной кованой ограды комплекса. – Я вновь, а ты в первый раз. Сейчас как посетим с тобой, да?

Тусик что-то благостно гулил в ответ. Он был рад приключениям, тем более, что они взяли с собой прекрасную желтую лопаточку, которой можно было раскидывать песок вокруг себя. С такой лопаточкой Тусик был готов посещать вообще что угодно.

Калитки в ограде вокруг комплекса реагировали на магнитные открывашки, но Алисе с Тусиком удалось просочиться – вот она, сила русалочьих духов – вслед за каким-то дяденькой в приличном костюме. Дяденька даже придержал им дверь. Он и предположить бы не мог, что Алиса с Тусиком тут чужие – они выглядели как девяносто процентов населения комплекса.

Поблагодарив дяденьку, Алиса устремилась на детскую площадку – та находилась в самом сердце новеньких корпусов, и была центром здешнего маленького мира. На площад-

ке было пусто – видимо, мамочки разбрелись на обед. У Тусика из руки вывалилась на землю сушка, и он был в секунде от того чтобы зареветь. Алиса приземлилась на скамейку, выудила из рюкзака контейнер с мелко нарезанными яблоками – сушек она с собой не взяла – и виновато сунула кусочек Тусику. Тот послунял яблоко, бросил его на землю рядом с сушкой и поковылял к песочнице.

Алисе очень хотелось курить – она, вроде, бросила во время беременности и кормления, но сейчас иногда баловалась. Правда, по одной, чтобы опять не стало привычкой. В рюкзаке лежала початая пачка, но курить здесь, да еще и на детской площадке, было как-то совсем уж нагло. Ее трясло.

– Что я вообще здесь делаю? – думала Алиса.

– Вот я вновь посетил эту местность любви, полуостров заводов, парадиз мастерских и аркадию фабрик... – кликнуло в ответ в голове начало стиха.

На площадку забежали двое мальчишек. У Алисы часто-часто забилось сердце – это были Сашины сыновья.

Алиса начала рыться в рюкзаке, перекладывая в нем вещи с места на место, не смея поднять глаза. Она совсем растерялась, ее щеки горели, а сердце бешено стучало в ушах.

– Боже мой, что я здесь делаю? Что я? Что? – перекатывались вместе с вещами из рюкзака мысли.

Ундина Ирина села на Алисину скамейку. Не рядом, на другой конец. Но на ее скамейку. На площадке была еще одна, точно такая же, совершенно пустая, но она села именно

сюда. Алиса, почти с головой погрузившаяся в рюкзак, видела только движение, произошедшее где-то на окраине ее бокового зрения, но точно знала, что это она. Алису как будто окатило морской волной русалкиных духов.

Алиса вынырнула из рюкзака и теперь смотрела прямо перед собой, боясь повернуть голову. Мальчишки с воплями покоряли горку. Тусик раскидывал вокруг себя песок желтой лопаточкой.

К запаху духов с другого конца скамейки добавился легкий тлеющий дух сигареты. Алиса сглотнула.

– Извините, – неожиданно для самой себя прохрипела Алиса. Получилось «вините».

– Да? – прозвенело с другого конца скамейки.

– Можно зажигалку? – выпалила Алиса первое, что скакнуло из пересохшего горла.

Она не хотела просить зажигалку. Она хотела сказать – я почти переспала с вашим мужем. Она хотела сказать – я сбежала, но он приведет кого-то еще. Она хотела сказать – ваши духи пригнали меня прямо сюда, на эту скамейку, и я не знаю, что делать дальше.

– Конечно, – ответила Ирина.

Алисе пришлось обернуться. Ундина была такая же, как на фотографиях, только еще прозрачнее. Она протянула Алисе зажигалку и улыбнулась. У нее были холодные пальцы.

Алиса схватила зажигалку, полезла в рюкзак за сигарета-

ми, дрожащими пальцами раскрыла пачку. Пока доставала, сломала одну сигарету, выудила, наконец, другую. Зажгла. Затянулась. Положила зажигалку на скамейку между собой и Ириной. Не хотелось еще раз из рук в руки.

– Вавава! – радостно подал голос Тусик.

– Да, детка, вавава, – почти неслышно отозвалась Алиса.

То ли первая сигарета так дала в голову, то ли что-то еще произошло, но мир как-то нехорошо задрожал у своей оси и, казалось, был готов начать качаться из стороны в сторону.

Сашины сыновья взлетали на качелях вверх-вниз, и Алису от этого их движения совсем укачало. Она резко отвернулась, и напоролась на Иринин взгляд.

Ундина сидела на прежнем месте, но как-то неуловимо – как перед засыпанием, когда очень устал, и предметы перед закрытыми глазами молниеносно меняют размеры с огромных на микроскопические и обратно – она казалась сразу в двух местах, в конце скамейки и прямо перед Алисиным носом.

«Ой-ой-ой», – подумал кто-то детским маленьким голоском внутри Алисиной головы.

На Алису набежала вторая волна духов. Непонятный фрукт, который так ее очаровал при первом знакомстве с запахом, вдруг явственно загнил, и оказался вовсе не фруктом, а сырым порченным мясом.

«И полны темноты, и полны темноты и покоя, мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою», – стучал в висках

давешний ритм.

«Все знает, все видит, высоко сидит, далеко глядит», – то-ненько пропел внутренний голос, – «хвостом помахивает».

У ундины были страшные глаза. Вся прозрачность из них куда-то вытекла, и осталась одна зияющая воронка зрачка.

Алису накрыл такой ужас, что скрутило живот. Она рванула со скамейки. В два прыжка Алиса оказалась у песочницы, сгребла в охапку Тусика и кинулась прочь с площадки. На песке осталась лежать желтая лопаточка, и Тусик тут же разразился ревом.

– Потерпи, малыш. Сейчас! – бормотала Алиса, подбегая к кованой ограде.

Калитка была заперта на магнитный замок. Свободной рукой Алиса начала дергать за железные прутья, но магнит работал исправно. Ветер донес третью волну запаха. Пахнуло черной застойной водой омута.

Алиса вцепилась в калитку, затрясла ее изо всех сил, и что-то сработало, что-то щелкнуло, а может, просто задремавший в одном из корпусов охранник проснулся, взглянул на монитор и решил открыть ворота застрывшей мамашке, мало ли, может, ключи в сумке потеряла, вот и торчит у ворот с ребенком под мышкой...

Алиса очнулась только на въезде в свой район. Она не помнила, как запихивала рыдающего Тусика в детское кресло, как выруливала через теряющую первые листья рощу на ревущее шоссе, как стояла на светофорах и перестраивалась

из ряда в ряд на пути от окраины к центру.

– Господи Боже, никогда больше, – шептала Алиса, припарковавшись во дворе и вынимая утомленного приключением и задремавшего в своем детском кресле Тусика. Тусик пускал пузыри и пах здоровым детством и ванильными сушками.

– Никогда больше, – шептала Алиса, прижимая к губам теплую Тусикову макушку и тыкая свободной рукой в кнопку лифта. Все-таки сын был очень похож на нее. Не рыхлый, не холодный. Крепенький, теплый, ладный мальчик. Земной.

– Никогда, – шептала Алиса, выбирая себе с Тусиком на сайте доступную по деньгам светлую однушку на три станции ближе к пульсирующему, бурлящему центру.

Никогда.

Пиши пропало

– Ну чего, ты готов?

– Да, секунду, не знаю, куда второй пульт задевался. Подожди.

Пока Ваня суетливо искал среди стопок бумаг и хаотично налипших на столешницу пустых кофейных кружек второй пульт, Олег приземлился на диван. Диван когда-то был песочного цвета, но под трением нескольких поколений квартиросъемщицких задниц приобрел какой-то совсем невыразительный, почти несуществующий оттенок.

В Ванькиной съемной все предметы были на грани вымирания – затёртые, загаженные и продавленные до такой степени, что следующей остановкой в их статичном путешествии во времени была неминуемая помойка под окнами беляевской высотки.

Олег прилег на свою половину раскладного дивана, подтащил под голову одну из несвежих подушек и поставил две открытых бутылки пилзнера себе на теплый живот. Руки уже устали держать их навесу, а на то, что Ванька, нашедши-таки второй пульт, будет готов к просмотру, рассчитывать не приходилось.

Ванька был самым старым, с детского сада, другом. Уже тогда вся группа потела в чебурашковых шубах в ожидании Ваньки, который не справлялся со скоростным нормативом одевания даже с помощью воспитательницы. Сначала он невыносимо медленно тыкал ногой в растянутую колготу, потом, уже двумя околгоченными конечностями, в раструбы теплого комбинезона. Наконец, застегнутый на все кнопки и пуговицы, с завязанными под подбородком витыми веревочками теплой шапки с оленями, он заявлял, что хочет писать, и весь ритуал начинался сначала. С тех пор мало что изменилось. Любое совместное с ним предприятие можно было начинать как минимум на полчаса позже – пока Ваня заварит чай, сходит в туалет, найдет, наконец, второй пульт...

– О, нашел! Ща, в туалет сгоняю, и начнем!

Олег улыбнулся. Ванька был константой, а константы при

нынешнем положении дел высоко ценились. Олег подумал, что надо бы опять посмотреть телефон, но для этого надо было зажать оба горлышка поставленных на живот бутылок одной рукой, а другой занырнуть в узкий карман джинсов. Потом, чтобы выудить телефон, надо будет изогнуться, живот пойдет вверх и пиво расплещется на него, на диван, и на и так сомнительную застиранную простыню, на которой ему еще черт знает сколько спать. Тем более, если бы Лика написала, телефон бы завибрировал. А что если вибрация на сообщения не сработает? Тогда бы пикнул. А вдруг он на беззвук? Когда ты в последний раз ставил его на беззвук? Ну и все, лежим, ждем Ванича с этим его углеродом.

Вчера вечером Олег ввалился в Ванькину квартиру с маленьким чемоданом наскоро собранной одежды и Ванька как-то растерялся. Он не знал, что вообще принято говорить, когда у твоего лучшего друга все идет к чертовой матери через год после свадьбы и не пил ничего крепче пива. Поэтому он просто решил делать все то же, что и обычно – развлекать Олега своими гиковскими историями.

Ванька компенсировал общую неуклюжесть и застенчивость энциклопедическими познаниями в области выдуманных другими людьми вселенных, и последней его мулечкой, сохраненным на десерт пирожным, которое он был счастлив разделить со страдающим другом, был «Видоизмененный углерод».

Пару лет назад он прочел все три книги Ричарда Морга-

на, был какое-то время очарован и даже рисовал какие-то картинки об этом мрачном мире, но потом переключился на что-то еще – то ли на «Игры престолов», то ли на «Мир Дикого Запада», Олег за новыми фэнтези книгами и сериалами не особо следил, и новости узнавал как раз от Ваньча. А сейчас Ванька был готов вернуться к старому увлечению, Нетфликс выпустил по этому «Углероду» сериал, и вот радость, – как раз появился Олег, переехал на неопределенное время, свалился как снег на голову, но так оно и здорово, такую легендарную вещь будем вместе смотреть.

В последний раз они детьми вместе смотрели «Властелина колец», сходили с ума по «Властелину колец», пересматривали и перечитывали и жили этой фантазией целый год, пока Олег не поцеловался в первый раз с девчонкой на школьной дискотеке и не перешел на другую, менее мечтательную, но более гормональную стадию взросления. А Ванька так и остался большим мальчиком с бородой и пивом, с мечами и драконами, и раньше Олег про себя возмущался и бурлил, а вслух пытался направить Ваньку на путь истинный, а теперь... Теперь, может, Ванька-то как раз и прав, может, вечное детство – единственный правильный выбор, пусть даже если оно и проходит в затертой до дыр однушке на опушке торчащего голыми стволами в разные стороны – как будто его только что неровно подстригли маникюрными ножницами – Юго-Западного лесопарка.

– Ну что, «Водоизмененный углерод»! – Ванька плюхнул-

ся на диван, и захватил одну из бутылок с живота Олега.

Лаконичное английское «Altered Carbon» превращалось на русском в какую-то невылазиваемую скороговорку, и Ваньке никак не давалось слово «видоизмененный», вместо этого в его углероде кто-то все время менял воду, и Олег каждый раз зависал на этой воде, пытаясь себе это представить... Не то, чтобы он мог представить видоизмененный, или какой друг углерод, он вообще не был уверен, чем этот углерод занимается, кроме того, как, вроде, имеет непосредственное отношение к образованию жизни, только вот какое?

Спросить, что ли, Ванича, только тот уйдет в лекцию, потом еще полезет в Википедию, и никогда мы не посмотрим этот сериал, а сериалы сейчас – это оно, это спасение, это побег от мыслей о том, как разводиться в двадцать семь лет, как разводиться в двадцать семь лет с любимой женщиной, как жить вообще дальше в двадцать-то семь лет...

Ваня, наконец, устроился поудобнее, и на экране большого телика, самой дорогой вещи – хотя нет, навороченный геймерский компьютер еще дороже, ладно, второй самой дорогой в этой халупе вещи – появилось изображение. Сразу начался какой-то густопсовый экшн, и Олег попытался вникнуть в то, что происходит, но ничего не получилось, и мозг, радостно сдавшись, вернулся к мыслям о Лике.

Как она вчера прямо за ужином, за дерьмовым ее вечным ужином из брокколи и лилипутских вареных морковок и ку-

риной груди, которыми он давился в последние три месяца ее похудений, как она на середине морковки сказала, что вообще это все было большой ошибкой, и она хочет развестись. Из ниоткуда вообще. В воскресенье в боулинг ходили. Потом ели пинцу в пинцери. Потом трахались перед сном. Потом лежали и говорили о том, что на следующий год надо на Новый Год махнуть во Вьетнам. Олег не понимал, как можно в ночь на понедельник планировать Новый Год во Вьетнаме, а на ужин во вторник разводиться. А Лика понимала. У Лики были тонкие душевные переживания и психолог. А Олег не обращал никакого внимания на ее, Ликины, проблемы. На необходимость духовного поиска. На то, что она, вообще-то, не нашла себя как женщина. Олег попробовал возразить, что он, вроде, не мешает ей себя искать, но оказалось, что все-таки мешает. Он тогда сказал ей, что она ему делает очень больно, на что Лика разоралась и сказала, что он преуменьшает значимость ее эмоций. Что когда он говорит, что ему больно, это значит, что ее боль тут же обесценивается. Потому что становится не уникальна. Олег вообще тогда перестал ее понимать, и пошел, вытащил из-под кровати маленький чемодан для командировок и через пятнадцать минут уже ехал вниз в лифте.

Лика, когда он уходил, разревелась, но не потому, что ей было грустно, что он уходит, а потому, что своим уходом он лишал ее возможности выразить здоровый гнев, который так важен для ее терапевтического прогресса. Олег хотел было

послать Лику вместе с ее прогрессом, но рот изнутри как будто склеился, как когда просыпаешься с пересохшими за ночь губами, и вместо того, чтобы что-то сказать, Олег молча стоял в кабине лифта и смотрел на уродливую Лику. Некоторые женщины, когда плакали, становились красивыми, становились фарфоровыми куклами с розовыми носиками, а Лику, как Олег с ужасом вдруг заметил, плач действительно уродовал. А ему так хотелось найти в ее лице что-то красивое, но за три секунды, пока кабина стояла на месте и двери не закрывались, никакой красоты в своей любимой женщине он не нашел. А потом двери закрылись, и он поехал вниз, унося в чемодане случайно сдернутую с вешалок одежду, а в груди зияющую черную дыру.

А теперь, сутки спустя, Олег лежал на Ванькином продавленном диване, и бездумно смотрел как какой-то высокий бледный актер просыпается, утыканный трубками в лаборатории, и больше всего на свете хотел, чтобы телефон в кармане штанов завибрировал. В то же время, другим, глубже запрятанным слоем мозга, он уже знал, что на самом деле не хочет, потому что если ты не смог найти красоту в лице любимой женщины за три секунды, то все, пиши пропало, дружок. Олега так испугало это внезапное осознание, что он подскочил с дивана и разлил-таки пиво на себя и на простыню.

- Ты чего? – Ванька тут же поставил кино на паузу.
- Ничего, разлил случайно, я сейчас воды принесу.

– Да не парься, само высохнет.

– Ладно, я хотя бы руки помою. Я быстро!

– Я тебя подожду тогда.

– Да нет, сними с паузы, я быстро.

В ванной комнате Олег замыл пивное пятно на футболке. Ткань тут же прилипла к животу и стало холодно. Он отвернул горячий кран на полную, подставил руки под воду и смотрел как кожа краснеет, пока тепло расплзается по телу.

Как он любил в детстве вот так встать босиком на холодный кафель ванной и ждать, пока жар от воды по сетке сосудов за десять секунд добежит от рук до самых пяток. Как он любил растирать Ликины вечно ледяные пятки, растирка всегда превращалась в щекотку, и Лика хохотала, лупила ногами вверх, вниз и вбок, а он, отпустив пятки, пытался укусьить ее за пролетающие в опасной близости от его носа икры.

Олег выключил воду, а полотенца никакого не нашел, ни для рук, ни для тела. Выданное ему полотенце валяется где-то рядом с диваном, там же, видимо, и Ванькино. Мокрой правой рукой он зачем-то написал на пластиковой шторке для душа с невероятно уродливыми дельфинами слово «Пропало». Пиши, ну вот я и пишу. Написал.

Вытерев обе руки о джинсы, Олег вернулся в комнату. На экране действие продвинулось из лаборатории в какой-то облачный дворец, где декольтированная блондинка в белом платье куда-то вела за собой дылду-героя. И только Олег подумал, что сейчас, вот сейчас он уляжется обратно на место

и заставит себя проникнуться проблемами этих выдуманных людей на ближайшие восемь-десять-сколько там серий-часов, как на экране возник кто бы вы думали? Джеймс Пьюрфой, ну конечно, кто же еще. Олег аж поперхнулся и издал какой-то странный звук, что-то между кашлем и чихом, и Ванич, не отрываясь от экрана, проямлил ему «будь здоров».

– Я покурю на балконе, ладно?

– Тебя подождать?

– Нет, смотри-смотри.

Олег бросил еще один взгляд на Джеймса Пьюрфоя, и Олегов наметанный глаз отметил, что актер немного постарел, морщинки у глаз стали заметнее, да и поднабрал килограмма четыре, может быть, даже и пять, не то, чтобы это его, правда, сильно портило. Но смотреть на Пьюрфоя сейчас, сегодня, было выше всяческих сил, и Олег, захватив из прихожей куртку и тапки, поплелся на балкон, сделав над собой усилие, чтобы на обратном пути через комнату не посмотреть опять в телевизор.

На балконе, расчехлив непечатую пачку, Олег закурил, и, не в силах с собой бороться, через балконное стекло глянул-таки еще раз на экран. Там Пьюрфой со своим вечно-издевательским видом как-то заковыристо портил жизнь главному герою. Вообще, Пьюрфой всегда играл злодеев, ну, почти всегда. Так-то актер хороший, многоплановый, театраль-ных ролей у него много, Роял Шекспир Компани в анамнезе,

опять же, но денюжку свою на безбедное британское существовании он зашибал как раз ролями негодяев, проходимцев и даже, периодически, серийных убийц. Брал харизмой и переигрывал всех положительных персонажей так, что глаз от него было не оторвать.

Джеймс Брайан Марк Пьюрфой впервые появился в жизни Олега два года назад, когда они с Ликой только начинали жить вместе. В тот ленивый летний вечер они валялись на диване, жрали суши и щелкали по каналам. Лика вдруг сказала ему остановиться и вернуться на предыдущий канал. Там шла голливудская «Ярмарка тщеславия» 2004 года.

– О, обожаю этого актера, – сказала Лика.

Олег пожал плечами, и отложил пульт в сторону. Костюмные драмы он не любил, но ему, правда, было все равно. А через десять минут с ним случился такой секс, какого у них с Ликой никогда не было. Он даже не понял, что произошло и как такое возможно. В Лику с ее вечно-холодными конечностями, белоснежной кожей и круглым, почти гротескно-русским лицом, с ее северным темпераментом и прозрачными, как будто разбавленными на три четверти водой голубыми глазами, будто бы вселилась какая-то другая, незнакомая Олегу женщина, которая, впрочем, не задержалась надолго, и вылетела из Вики с последним спазмом ее неожиданно обжигающего тела.

Следующие несколько месяцев Олег жил воспоминаниями о том вечере, но ничего подобного у них больше не случалось.

лось. Потом он скачал «Высотку» пятнадцатого года, и, хотя фильм его поначалу разочаровал, зашедшая на середине в комнату Лика, увидев мелькающего на втором плане Пьюрфоя, внезапно вознесла провальную экранизацию на самый верх Олегова персонального кинорейтинга.

На следующий день Олег скачал все фильмы и сериалы с участием Пьюрфоя, чтобы проверить назревающую теорию. А Лика вдруг заявила, что им нужно сделать перерыв в отношениях, а на беспомощные вопросы Олега только чмокнула его в нос. Ей нужно время, чтобы разобраться в себе. Извини.

Следующие несколько дней Олег валялся на диване, пил Джек Дэниелс из огромной подарочной бутылки, оставшейся с какой-то праздничной пьянки и изучал врага. Он быстро осилил хороший бибисишный сериал «Рим», и теперь мучительно продирался через два сезона душного американского сериала про маньяков, в котором Пьюрфой, конечно, играл заглавного душегуба.

Олег ставил сериал на паузу, и, усевшись по-турецки на ковре перед телевизором, вглядывался в пиксели пьюрфоевского лица, пытаясь понять, как этот далекий человек, отделенный от их мира целым лабиринтом из линз и экранов, пробуждает в его женщине то, что никогда не удастся вытащить на поверхность самому Олегу.

У них не было ничего общего. Кроме, разве что, цвета волос – Олег тоже был темненьким. Но не было в глазах

Олега такого острого рыболовного крючка, какой был у этого актера. Олег этот крючок чувствовал на себе, только ему при взгляде на Пьюрфоя хотелось не заниматься безумным сексом, а набить кому-то морду, предпочтительно, самому Пьюрфою.

Начав, Олег уже не мог прекратить. Эпизод за эпизодом он смотрел на проклятого англичанина, и рыболовный крючок дергался в его солнечном сплетении, разрывая края никак не могущей затянуться раны. Олег заливал в себя виски, закурился двумя подряд, и повторял «янеонянеонянеон». Чем дольше он смотрел на Пьюрфоя, тем беспомощней себя ощущал. Он думал об обычном их рыбьем, а не рыболовном, сексе, о Ликиных холодных пятках и шептал «аонможет».

Неизвестно, до чего бы Олег себя довел, но второй сезон про маньяков закончился, и почти сразу позвонила Лика. Она заявила, что нашла себя окончательно, и ну, прости, котик, и тем же вечером появилась на пороге Олеговой квартиры.

Он был так счастлив, так счастлив, что больше не думал про артиста Пьюрфоя, и научился любить Ликины холодные пятки, и быстро овладел настоящим искусством – после каждого секса брать зарождающуюся мысль о том, что опять все не так, как может быть, и выдергивать ее прямо в зародыше, прямо с корнем, да так ловко, что скоро довел этот процесс до автоматизма.

А потом мысль, как надоедливый, но часто устраняемый

волос, и вовсе перестала расти.

А потом он сделал предложение, и у них была свадьба с платьем, и с туфлями, и с тортом, и Лика носилась по городу и выбирала фигурки на торт.

А потом они играли в боулинг и ходили в кино, встречались с друзьями и пили коктейли в «Юности», они съездили в Милан и в Финляндию, а в воскресенье они поели в пинцерии, и решили, что на Новый Год надо махнуть во Вьетнам.

Карман джинсов завибрировал. Олег взял сигарету в левую руку и полез за телефоном. Там было сообщение от Лизы. Олег почти нажал на него, но через балконное стекло опять глянул в телевизор, где Джеймс Пьюрфой продолжал портить жизнь главному герою.

И Олег сразу понял несколько несложных вещей. Рыболовные крючки, если их не выдернуть, имеют свойство рвать в груди незаживающие черные дыры. Британские актеры, пусть даже и очень талантливые, бывают заложниками одной роли. Если ты не смог найти красоту в лице любимой женщины за три секунды, можно написать «пропало» на уродливой душевой шторке с дельфинами и жить дальше. Возможно, тебе просто не подходят женщины с холодными пятками.

Олег затушил бычок, и, понюхав пальцы, вернулся в комнату.

Ванька поставил «Углерод» на паузу.

– Ну чего? Ты садись, наконец?

– Секунду, – Олег кинул куртку на пол, и плюхнулся на

диван.

– Чаю хочешь? – Ванька был готов к своему обычному полчасовому сигарета-чай-туалет перерыву.

– Давай. Заодно расскажешь, что я пропустил.

Ванька перелез через Олега и пошлепал на кухню. Телефон завибрировал, замигал опять Ликиным именем, но Олег его просто выключил. На кухне зашумел чайник, загремел чашками Ванька, и Олег пошел туда. К свету. К теплу. К чаю, жар которого по сетке сосудов за десять секунд добегают до самых пяток.

Самардала

Когда-то обои в спальне были нежно-розовыми, сейчас же это можно было бы с натяжкой назвать цветом пыльной розы. Да ну, нечего себя обманывать. Пыльные они просто, пыльные. На полу паркет, который не берет даже концентрированный мистер пропер. Мой его – не мой, – старье. Зашарканное, обшарпанное старье. Можно бы, конечно, позвать бригаду, освежить, отлакировать, но разве ж хозяйка разрешит?

Хозяйка Ангелина – пожилая, заполошная женщина, при одном взгляде на которую у Иры в голове возникло слово «куропатка», хотя настоящих куропаток она в глаза не видела, тряслась над каждым полотенчиком, над каждой облупленной чашкой.

– Вы, Ирочка, с виду девушка приличная, так что постарайтесь уж... – не договаривала Ангелина, бросая предложение на середине. По всему, хозяйке хотелось бы, чтобы Ирочка постаралась вообще тут не жить, но за тридцать пять тысяч в месяц она, так уж и быть, готова была смириться с Ириным существованием в ее однушке.

Сама Ангелина жила на даче, а квартиру сдавала на длительные сроки «приличным людям». Судя по тому, как обстоятельно хозяйка допрашивала Иру о личной жизни, не все предыдущие жильцы соответствовали ожиданиям.

– Вы понимаете, Ирочка, соседи звонили, жаловались, такой позор! Вы постарайтесь уж с личной жизнью...

– Не волнуйтесь, пожалуйста. Никакой личной жизни тут не планируется.

Выпроводив, наконец, слегка успокоившуюся после получения денег в мятом белом конверте Ангелину, Ира плюхнулась без сил на раскладной диван. В спину тут же впиалась пружина. Поднявшись на локте, Ира вдавила ее обратно в матрас, и улеглась поудобнее.

Почему-то на кухне в однушке был совершенно нормальный не так давно беленый потолок, а вот в спальне вместо него было какое-то недоразумение – пенопластовые квадратики, местами отходящие друг от друга – как в поликлиниках в девяностых. Ира тут же вспомнила длинные очереди к педиатру, кашляющих друг на друга грудничков и всегда следующие за посещением врача недели гадкой отрыжки

боржоми. Такой вот привет из детства.

Ира рывком соскочила с дивана, заметалась по квартире, распахнула настежь окна. Хотелось, чтобы это чужой, задышанный вереницей предыдущих жильцов дом вдруг очистился, обнулится для того, чтобы стать ее местом. Ее домом.

Ириного прошлого дома не стало месяц назад, когда она – как в сотне плохих анекдотов которые, как оказалось, все как один основаны на реальных событиях – пришла домой пораньше, и застала мужа Сережу на Ирой глаженных простынях в обнимку с другой Ирой – его подругой детства. Почему-то добило ее не наличие другой Иры и даже не то, что она с этой тезкой отлично все пять лет брака общалась, а вот именно эти простыни. Стало так противно, что Ира побежала в туалет и ее стошнило.

Потом оказалось, что тошнило ее не просто так, и то, что чего они с мужем пытались достичь последние полтора года, случилось почему-то в самый неподходящий момент. Две недели назад, уже в родительском доме, куда Ира, наскоро собрав вещи, эвакуировалась, у нее случился выкидыш. Про себя Ира выдохнула с облегчением – растить ребенка одной ей не хотелось.

Ирину маму случившееся потрясло. У нее и так глаза были на мокром месте, а уж после «потери ребеночка» Анна Николаевна плакала каждые полчаса.

– Плод, мама, плод. Никакого ребенка там не было. Клет-

ки были. А ребенка не было. Ранний же срок.

Мама отмахивалась и уходила рыдать в ванную. На второй неделе родительского рева Ира не выдержала, и съехала на съемную.

Она ходила по квартирке – из спальни в ванную, из ванной в туалет, и туалета на кухню, и что-то терла, мыла, отдирала. Везде были следы чьей-то налипшей на квартиру жизни. Было гадко. Устав убираться, Ира полезла разбирать ящики. Работы тут было на неделю, но она решила достать хотя бы необходимые кухонные принадлежности.

Кастрюля, дорогая сковородка, большая коробка с пряностями. Ира любила готовить, любила экспериментировать – щепотку этого, пол-чайной ложки того. В жестяной коробке лежали вповалку открытые пакетики с порошками – кайенский перец, ваниль в стручках, сушеный базилик, зира, самардала. Самардала? Ира вытащила пакетик с почти стершейся от времени надписью. Надо же, неоткрытый. Посмотрела на обратную сторону, вчиталась в знакомые буквы незнакомого языка.

Восемь лет назад, а кажется – вчера было. Через полгода она встретит на дне рождения общих друзей Сережу, а пока – пока она только получила диплом с отличием, и родители в подарок купили ей летний отдых в маленьком отеле приморского болгарского городка Каварна.

Она вставала рано – сама, без будильника, обедалась завтраком, потом валялась на пляже, читала «Волхва» Фаулза,

доплывала на перегонки сама с собой до буйка и обратно, ела мидий и пила белое вино. Это были прекрасные каникулы – такие, когда кажется, что вся жизнь дальше будет вот именно такая – с ослепительными солнечными бликами на прохладной соленой воде.

В последний день она накупила приправ – шарена соль, которой хорошо посыпать белый сыр, чубрица, которую болгары добавляют в мясные и бобовые, чабрец в чай. Все это она израсходовала за пару лет, а вот про загадочную, так и не распечатанную самардалу совсем забыла.

Самардала переезжала вслед за Ирой из дома в дом, эта приправа была с ней дольше, чем неверный муж и дольше, чем неродившийся ребенок – да нет же, плод, да ну, нечего себя обманывать – ребенок.

Ира аккуратно надорвала упаковку и осторожно понюхала коричневатый порошок. За годы самардала ничуть не выдохлась, и тут же заполнила Ирины ноздри терпким, сладковато-горьким запахом. Запахом лета и высушенной солнцем травы, обжигающего песка и солнечных бликов на прохладной соленой воде. Запахом надежды. Запахом дома.

СОФИЯ

Другая музыка

– Расскажи мне о лучшем моменте твоего дня.

– Сегодня?

– Ну да, сегодня. Что у тебя хорошего случилось за сегодня?

Я как-то даже растерялась. Пожалуй, лучшим моментом за весь день был ее внезапный вопрос. Вслух я, конечно, этого не сказала, и начала вместо этого затирать ей про странную девушку, с которой я имела несчастье обедать за несколько часов до.

Та, обеденная, была другая, совсем непохожая на мою новую знакомую Элис. Немного деревянная, она чересчур старалась понравиться, и вызывала вместо этого мучительную внутреннюю неловкость, когда нет, нет, тебя слишком много, а поэтому, извини, никак.

Неловкость, впрочем, всегда хороший материал для комедии, а потому мой рассказ про «девушку-чересчур» развеселил Элис.

Когда она улыбалась, она становилась похожа на лисичку. Вообще, она много на кого была похожа – на журнальную обложку семидесятых, на утрированную парижанку – черный свитер под горло, длинное каре, большие серовато-синие глаза, в такую обычно влюбляется европейский подросток где-то к двадцатой минуте фильма.

В Голливуде этот типаж, и все причитающиеся к нему характерные роли, оккупировала в последние несколько лет актриса Эмма Стоун, глазастая почти до некрасивости. Но тут главное в «почти». Элис тоже была почти – глаза на па-

ру миллиметров побольше, нос поменьше, и была бы живая карикатура, но природа остановилась за секунду до провала, и вышло хорошо.

Несмотря на свою почти гротескную парижскость, англичанка Элис владела французским примерно в той же степени, что и забывшая его напрочь со школы я. В ответ на чей-то комплимент в адрес своей «французской» стрижки, она попыталась выдать коронное, вьевшееся в моих ровесниц с подростковой obsesсией «Мулен Ружем», «ву ле ву куше авек муа се суа», но умудрилась его испортить, гордо заявив, вместо этого, что она – хлеб. Было решено, что Элис должна быть парижанкой на расстоянии, маяча где-то в духах и туманах и, желательно, не открывая рта.

Вообще, в тот вечер мы все время хохотали. В маленьком ресторанчике было тесно, шумно, и полый пингпонговый мячик смеха летал от одного конца длинного стола к другому, отскакивая от наших заботливо пополняемых официантом винных бокалов. Небольшой, почти полностью (если не считать пожилого веселого дипломата, приятельствовавшего с нашей именинницей) девичьей компанией прижившихся на Балканах экспатов, мы отмечали День Рождения.

Элис рисовала психоделические картины, преподавала английский, и мечтала о танцах. Она не могла усидеть на месте, все время напевала что-то себе под нос, двигала плечами в ритм своим мелодиям, там внутри все рвалось по-танцевать. Ей, с ее геометрически развевающимся влево –вж-

жух, и вправо – вжжжух, каре, это очень шло. Girl, you'll be a woman soon. Мия Уоллес перед своим ингаляторным недо-разумением с белым порошком. Прическа у нее, во всяком случае, была ровно такая же, как у Умы Турман. Такие прически, обычно, сильно меняют мироощущение. Они начинают жить собственной жизнью, и тянут, тянут привязанных к ним скальпом владелиц куда-нибудь туда, в какое-нибудь эдакое. В случае Элис – как раз на танцы.

Танцев, правда, в тот вечер с нами так и не случилось, зато случилось вино и еще немного вина, и, как следствие, разговоры о жизни.

Помимо довольно однообразных, сильно не меняющихся от дамы к даме, тиндер-сексов, разговоры сводились к процессу выживания, больше известному, как «эта ваша взрослая ответственная жизнь», и в воздухе как-то сам собой возник вопрос о самой своей безумной работе.

– О, – своим хрипловатым голосом произнесла Элис, – у меня для вас есть история.

И история у Элис, лисички-Элис, синеглазки-Элис в черном свитере под горло, о, история у малышки Элис действительно была.

Когда ей было девятнадцать, она устроилась работать в какую-то местную британскую благотворительность кертейкером, и ее определили в помощники молодому мужчине с расстройством аутического спектра. Тому было слегка за двадцать, и единственным местом, где он чувствовал комфорт и

хоть какое-то единение с пугающим, вечно рассинхронизированным с его внутренней вселенной внешним миром, был стриптиз клуб.

Когда-то на отдыхе с родителями он случайно увидел девушку у шеста, и вдруг в какофонии пестрых пятен забрезжил какой-то смысл. Элис не знала, было ли переживание стриптиза для него эротическим, возможно, что и было, но одно было очевидно – полеты вокруг шеста, напряжение мышц голого тела, острый угол невероятно высокого каблук, вся эта геометрия чудесным образом успокаивала то бушующее, клокочущее внутри него болезненное несоответствие, то страшное несовпадение себя и мира, которое заставляло его громко кричать, и качаться из стороны в сторону, и закрывать голову руками.

Водительских прав у Элис на тот момент еще не было, поэтому на стриптиз их отвозили на машине родители молодого человека. Они не заходили внутрь, и все что происходило за дверями ночного клуба становилось ответственностью девушки. Ей, естественно, не разрешалось пить алкогольное, и пока ее пациент медитировал на стриптизерш, малышка Элис сидела с ним рядом за столиком, и наблюдала происходящее вокруг.

Бесконечные одинаковые предсвадебные мальчишники и девичники, «stag parties» и «hen parties». Олени и курицы – все же, англичане, понимают в этой жизни – в последний раз прибежавшие на водопой. О, безумная алкогольная удаля ан-

гლოსаксов! О русском умении пить ходят легенды, хотя британцы в своем неумении давно нас по части легендарности обошли. В дождь, холод и промозглый островной ветер они мотаются из клуба в клуб – олени в шортах, куры – в коротких платьях, едва прикрывающих пупырчатые мороженные бедра, – начиная делать фото с собственной голой задницей после первого крепкого бокала.

Последний титанический рывок перед свадьбой, после которой, разумеется, наступит совсем другая жизнь, с буколическим Стивенем Фраем в твидовом костюме-тройке, попивающем фэйвоклок-чай на изумрудном газоне, соседствующем с чистеньким домиком будущей английской четы.

Но пока «Да» не сказано, пока подружки невесты в одинаковых розовых фатах заканчивают девичник синхронным блёвом в соседних кабинках, а друзья жениха выносят его на руках из клуба – смотрите, не уроните его в разбросанные по улице остатки недоеденных дюнеров и фиш-энд-чипс! – пока невеста рыдает за столиком, сама не зная от чего, и накладные ресницы, отклеиваясь от мокрого глаза, падают в стакан с лагером, по цвету и запаху неотличимым от того, чем уроненный-таки в мусор, но, восставший в последний перед финальной отключкой раз, жених, поливает булыжник мостовой, пока вся эта нестройная пятничная симфония набирает свои обороты, двадцатилетний опекаемый во все глаза смотрит на стриптизершу Татьяну.

Татьяна сделала себе грудь такого размера, что даже

немного страшно – это шары для боулинга, обтянутые кожей, с сосками, смотрящими в разные стороны. Но она, эта явно славянская женщина, точного происхождения которой Элис уже не упомнит, дьявольски умна, потому что своими тяжелыми сиськами, которые она носит впереди себя как набитый доверху рюкзак, она зарабатывает самые большие чаевые.

Татьяна – тоже «девушка-чересчур», но ее чересчур работает от обратного – мужская совесть, равно как и стыд, вот это вот всё «неловко», напрочь отключаются, когда объект этого примитивного, животного желания почти не похож на настоящую женщину. Это как хотеть мультяшную крутобедрую Джессику Рэббит – абсолютно объяснимо, но все-таки понарошку.

Они, в общем-то, все тут играют – кто во что горазд – полуголые детки, дорвавшиеся до запрятанной на верхнюю полку коробки с печеньем. У них у всех тут sugar rush, не бойся, мама, до свадьбы не спипнется!

В этом безумном детском саду, в этом сладком пряничном домике среди Гензелей и Гретелей, присосавшихся к приторным чупа-чупсам Татьянинных косоглазых сосков, есть только два взрослых.

Лисичка-Элис – та смотрит вокруг, и кажется, ее глаза от удивления становятся все больше и больше. Не волнуйся, погляди, лучше, в свою прозрачную минералку в высоком стакане – там, в ее ряби, как в хрустальном шаре, дальняя до-

рога, стрижка до плеч, день рождения незнакомой тебе пока еще подруги, я, сидящая на соседнем стуле, и потом, если посмотреть еще чуть дальше вперед, танцы. Обязательно, танцы.

А второй взрослый – тот смотрит на прыгающие синхронно с дурным тумцкающим ритмом Татьянины шары, и взгляд его, отражаясь от них как от зеркальной поверхности, уходит внутрь и там, в районе солнечного сплетения, расщепляется на тысячи лучей, образуя пульсирующие гексагоны и октаэдры, по которым бежит совсем другая, слышная только ему, музыка.

Сурва царя Мидаса

Они вылетели в Софию утренним рейсом, таким ранним, что чтобы успеть в Шереметьево пришлось выезжать из дома в пять утра. В самолете Яна залпом выпила купленную в дюти фри мелкую бутылочку виски, воткнула в уши наушники, а взгляд в планшет с каким-то очередным сериалом про маньяков, скачанным по дороге в аэропорт, и так и просидела весь полет. Отвлеклась только на завтрак и на туалет. На завтрак выбрала не обычную свою полетную диетическую кашу, а блинчики с джемом. Съела оба блинчика и белую булку, щедро намазав ее перед эти сладковатым маслом. И шоколадку «Аленка» не сунула в сумку, а слопа-ла прямо там. Их рассадили по разным концам самолета –

дурочка Олеся, которая заказывала билеты, опять не зарегистрировала всех онлайн заранее, поэтому сидели все как придется. Ну и слава богу, болтать с кем-то из группы три с половиной часа до Болгарии не хотелось. Вот прямо совсем. Наболтаются еще.

Болгария вообще в съемочном плане не стояла, но в последний момент оказалось, что эпизод в Белоруссии, благо, снятый не с Яной, а со второй съемочной группой, оказался, как выражался шоураннер Володя, полным фекалом, и в эфир такое ставить нельзя, скучно потому что. Вторую группу дежурно вздрючили, а послали доснимать в последний момент Яну и ее ребят. Вторая группа годовой лимит положенных косяков, видимо, исчерпала. Шоу отчаянно цеплялось за место в эфирной сетке, рейтинги падали, и поэтому в этом сезоне их документально-развлекательный заводик по производству программ о путешествиях серьезно принялся за мистику, таинственные обряды, старинные ритуалы и прочую эзотерику, призванную притянуть к экранам сегмент аудитории попроще и постарше.

Болгария подвернулась почти случайно, только там в конце января происходила какая-то подходящая движуха. То есть, движуха, например, происходила и в Полинезии, там проводились какие-то ежегодные духовные игрища аборигенов, но Болгария вписывалась в бюджет телеканала значительно лучше заокеанской экзотики.

Яну это, в общем-то, не волновало, ее в последнюю неде-

лю волновали совсем другие вещи. Вообще, она думала уходить еще прошлой зимой, перед началом весеннего чеса по странам и континентам. Яна была хороша в кадре – камера не прибавляла ей, как многим, пять лишних кило, еще с театрального института у нее была отлично поставленная речь, в общем, быть ведущей – было ее делом. Да, с актерским не сложилось, но тут хотя бы деньги. И путешествия. В первый год она моталась по миру с широко раскрытыми глазами, тащила родителям и мужу Леше сувениры отовсюду, захлебывалась восторгом, травя байки на редких встречах с друзьями между поездками. Второй год пролетел дежурно, в нормальном рабочем настроении, третий она еле закончила, а о нынешнем, четвертом, жалела с того самого дня, как дала продюсеру Володе уговорить себя остаться на еще один сезон. Язык у Володи был отлично подвешен, начальником он был хорошим, хоть и нервным, да и просто за три года они хорошо подружились. «Еще год отъездишь, а потом валяй куда хочешь, рекомендации я тебе напишу», – заверил ее тогда Володя перед самым Новым Годом, выписав заодно неплохую годовую премию.

– Ладно, – ответила Яна, вручая Володе дежурный подарок в виде хорошего коньяка. – Но этот год – последний. Я, вообще, детей рожать хочу, а не с самолета на самолет скакать.

Володя, у которого своих было трое, только вздохнул и похлопал ее по плечу.

– Успеешь, мать. Все успеешь.

Это все она и попыталась объяснить дома Леше, когда принесла в клювике новость о продлении своего контакта с телеканалом, но Леша тогда вообще слушать не захотел. «Ты обещала. Ты обещала и точка. Сколько, в конце концов, можно?!» Сильно, в общем, тогда поругались. В первый раз так сильно.

Если бы кто спросил Яну, о чем было две с половиной маньяческих серии, просмотренных во время полета, она бы никогда не смогла ответить. Они были о том, чтобы занять чем-то внимание, чтобы не думать о том, к чему придется возвращаться через три дня, когда закончатся съемки.

Едва успев разгрузиться в гостинице и принять душ, группа выехала в маленький шахтерский город-спутник Софии, Перник. Как объяснил им местный заранее нанятый водитель, Перник был чем-то вроде московских Бутово, Чертаново или Капотни – источником анекдотов про тюнингованные машины, гопников-бруталов и домашнее насилие. Правда, раз в год сюда съезжались люди со всей страны – на Сурву.

Сурва была огромным фестивалем костюмов и масок, безумным карнавальным шествием, в котором принимали участие и соревновались между собой за звание лучшей костюмированной процессии жители десятков городов и деревень со всей Болгарии. Хотя сам фестиваль и проходил всегда в конце января, костюмы изначально использовались во

время Святков для околорожественских походов за сладостями и угощениями. В Болгарии память о языческих ритуалах была сильна и хранилась народом бережно, и на колядки в деревнях до сих пор ходили. А потом, когда праздники заканчивались, каждая деревня собирала делегацию, и ехала соревноваться в Перник, на Сурву. А соревноваться было в чем – внешний вид кукеров – духов плодородия, которых изображали колядующие – из разных регионов традиционно отличался друг от друга, и мастерам-умельцам, которые были в каждом округе, приходилось готовиться к Сурве загодя – каждый город, каждая деревня хотела выставить самых ярких чудовищ.

Кстати, о чудовищах – совсем недавно Яна купила племяннице красивое иллюстрированное издание книги «Где живут чудовища», так вот, лучше всего эти кукерские костюмы можно было описать отсылкой к мохнатым монстрам Мориса Сендака. Огромные многоуровневые деревянные маски с оскаленными мордами и рогами, пушистые костюмы из длинной овечьей шерсти, покрывающие все тело выступающего – как будто перед тобой заросший Чубакка или обезумевшая гигантская щетка с автомойки, на некоторых шествующих из горных регионов были даже почти ку-клукс-клановские белые колпаки, правда, расшитые бисером и монистами, украшенные нашитыми зеркальцами и перьями. К поясу каждого монстра были привязаны тяжелые литые колокольцы – уже не колокольчики, но еще не колокола. Ко-

гда, по команде, участники процессий начинали синхронно подпрыгивать на месте, в воздухе растекался оглушительный шум, призванный отогнать злых духов. Страшные рога и оскаленные пасти были нацелены ровно на то же – напугать зло так качественно, чтобы оно даже не думало соваться близко к урожаю на весь следующий год. Судя по отменным болгарским овощам и фруктам, веселым и страшным монстрам плодородия это-таки удавалось.

У всех, кроме Яны, было на удивление хорошее настроение. То ли выпались в самолете, то ли лихой дух народного гуляния вместе с «греемым вином» – местным глинтвейном, проник в мерзнущие организмы съемочной группы, черт его знает. Они приехали минимальным составом. Яна, оператор Миша, звуковик Костик – громкие, здоровые семейные мужики, и проджект-менеджер Даша, замкнутая девушка помладше Яны, которая предпочитала держаться особняком, но свою организационную часть работы, при этом, выполняла безукоризненно.

– Янчик, ты чего такая смурная? Замерзла? – поинтересовался Костик, цепляя к Яниным джинсам микрофон-петличку. День выдался солнечным – отлично, в самый раз для съемок, но очень холодным, с пронизывающим до костей ветром. Хотя Яна изучила прогнозы и была одета по погоде, ей все равно почему-то с трудом верилось, что в Болгарии может быть такая же температура, как в загибающейся в середине своего мучительного зимнего марафона Москве.

– Да не, не замерзла. Очень громко тут. Неуютно.

Яна действительно не любила, когда громко, всегда просила Лешу делать потише или вообще слушать свою музыку в наушниках. Сейчас съемочная группа стояла на центральной площади города. Здесь, на отгороженном пятачке, команды выступали со своими номерами перед жюри. Над площадью висели огромные экраны, на которых транслировалось выступление, а команды, ожидающие своей очереди, растянулись длинной линией по примыкающему к площади бульвару. Бульвар предусмотрительно – видимо, чтобы маленькие дети не лезли под ноги косматым чудовищам, – огородили забором из крупной металлической сетки, и по ту сторону ограждения с двух сторон улицы стояли в три, а то и четыре ряда зрители, аплодируя особо удачным костюмам и представлениям. Команды, ждущие своей очереди на бульваре, «обкатывали» перед зрителями номера – народные танцы, тряс колокольцами, и даже игру на волынках, – прежде, чем предстать перед судом жюри на площади.

– Ничего, сегодня тебя отснимем, завтра будем би-ролл писать, панорамки с дрона поснимаем, а ты отдохнешь спокойно в гостишке, – подошел к Яне с Костиком оператор Миша. – Вина тебе теплого взять?

– Давай, – буркнула Яна. – Все веселей.

Утренний виски уже достаточно в ней развеялся, можно было начинать заново.

– Даш, Янчику вина возьми, пожалуйста. И пончиков

большую порцию, ладно?

Неразговорчивая Даша молча кивнула и ушла.

В обычные дни Перник был практически неотличим от родной промышленной провинции, славянские буквы на вывесках только способствовали ощущению, что ты дома в России. Но в дни Сурвы весь центр был заставлен лотками с сувенирами и стендами с едой. Недалеко от площади стенды образовались в уличный рыночек, в павильоне с мясом томился на вертеле грустный поросенок, рядом с ним бабушка продавала на удивление стильные вязаные шапки, а каждый третий киоск предлагал или блинчики с разными начинками или обжигающие, только что вылетевшие из специального фасовочного аппарата пончики, которые продавщицы щедро поливали жидким шоколадом.

Пока Костя настраивал оборудование, Миша проверял баланс белого, а Даша искала вино и пончики, Яна смотрела на проходящих мимо людей. Было много семей с детьми, некоторые даже с колясками, под ручку шли пожилые женщины, группками стояли и спорили раскрасневшиеся, уже выпившие мужчины. Здесь не было привычных московских напряженных лиц. Все что-то жевали, пили, покупали, глазели на маски, громко смеялись, снимали парад монстров на телефоны. Яна аж поморщилась. «Скособочило» – как говорила ей когда-то в детстве бабушка. Яна была из тех, у которых то, что внутри, тут же отражалось на лице. Внутри у нее было только раздражение. Эти радостные люди из другой страны,

наверняка, завтра вернутся к своим, таким же, как у Яны, а то и гораздо тяжелее, жизням, но сегодня, сегодня им хорошо, а ей нет. Нехорошо ей стало еще за день до отъезда, и кто бы знал, что теперь с этим делать.

– Вот, – Даша открыла верх картонной коробки с пончиками и протянула ее Яне. – И вино.

Яна на автомате взяла из коробки горячий кусок теста. Вкусно. Действительно вкусно. Она отпила из предложенного Дашей пластикового стаканчика. Теплое вино со специями быстро разлилось по телу, и на секунду Яне показалось, что, может, все оно и ничего, все наладится, но тут Даша открыла рот во второй раз и совершенно спокойно сказала:

– У нас, кстати, талант слетел.

– В смысле, слетел? – поперхнулась Яна.

– У которого ты интервью должна брать. Кукер, победитель прошлогодний. Я ему позвонила уточнить, где он, типа мы же уже готовы, а он дома с гриппом слег. Тут эпидемия.

– Так, и чего делать будем? – поинтересовался подошедший на запах пончиков Миша.

– Даш, нового ищи! – рявкнула Яна. Вино быстро куда-то испарилось, будто и не было его.

– Ага, – поддакнул Миша. – Тут темнеет рано, а завтра нам би-роллы писать надо, интервью сегодня кровь из носа.

Даша молча подала плечами и ушла куда-то в толпу.

Миша посмотрел ей вслед, снял с себя камеру и бережно передал ее Костику.

– Я за ней, так, на случай дипломатического кризиса.

Миша когда-то закончил престижный факультет Международных Отношений, но в конце девяностых его занесло на телевидение, и так и не вынесло обратно в воды международной политики. Своим образованием он, правда, козырял при случае и без, и в загранкомандировках очень любил налаживать, как он выражался, «дипсвязи с аборигенами»,

Глядя на удаляющуюся Мишину спину Яне хотелось разреветься. Как в детстве – лечь на землю, прямо в жидкое снежное месиво и зареветь. Ничего не хочу, никуда не пойду, вот прямо здесь и умру. Внутри нее какой-то на удивление спокойный внутренний голос, как будто наблюдающий за подавляемой внутренней истерикой со стороны, даже удивился в интонациях продюсера Володи:

– Ну ты даешь, мать! Эх тебя развезло.

– Ян, ты чего? Сейчас придумаем что-нибудь, – осторожно дотронулся до ее плеча звуковик Костик.

Видимо, действительно все отражалось на лице. Как-то после того, как Яна завалила экзамен в институте, подружка сказала, что не может стоять с ней рядом – так от нее фонило внутренним раздраем. Вот и сейчас фонит.

– Или пончики не вкусные? Так это ничего, я помогу!

Яна выдавила из себя улыбку. Все-таки, коллеги у нее были симпатичные люди, даже, вот, развеселить пытаются.

– Не разгоняйся, Кость. Мне есть, что заедать, – ответила она звуковику и запихнула в себя еще один пончик.

– Да ну тебя, у тебя нигде не откладывается, все в правильные места идет. Не то, что у некоторых, – Костик похлопал себя по солидному брюшку. – О, быстро они!

Через толпу гуляющих к ним быстрым шагом, засунув руки в карманы, шла неразговорчивая Даша. За ней виднелся Миша. На плече он тащил что-то большое и мохнатое, а в руках нес две объемных хозяйственных сумки.

– Все решили, – сказала Даша. – У Миши гениальная идея.

– Никаких гениальных... – завелась было Яна, но ее перебил восхищенный возглас Костика.

– Чума! Дашь погонять?

– Руки убери! – весело ответил Миша. – Это для Янчика. Янчик, не вопи! Послушай, это эксклюзив, это лучше, чем десять интервью. В смысле, интервью ты все равно брать будешь, но в этом роскошном, не побоюсь этого слова, костюме.

– Я еще раз таланту позвонила, он меня к своим направил, у них этот костюм в ближайший час свободный, потом хозяин придет. Они нам его дали, так даже лучше, – флегматично заметила Даша.

– А вы у меня, уроды, спросили, хочу я в костюм или нет? – начала закипать Яна. – Я вам что тут, клоун? Ряженный?

– Янчик, я Володе уже позвонил, он все одобрил. Еще стаканчик? – Миша толкнул Дашу в бок и она протянула Яне

купленный ими по дороге в качестве взятки стакан с грееным вином.

Яна хотела было стукнуть протянутый стакан снизу по пластиковому доньшку так, чтобы вино вылетело залпом вверх, заляпало и обожгло отвратительно спокойную Дашу и умника-Мишу, и пока они молча, даже не ругаясь – так сильно обидятся – будут вытирать с себя липкие пятна, убежать, и, никого не дожидаясь, взять такси до отеля, а оттуда сразу в аэропорт, и полететь домой. А по дороге позвонить Володе и уволиться. И не приходиться за последней зарплатой. И никого из них больше вообще не видеть. Но внутренний голос, этот предательский рычаг, сдерживающая дамба, услужливо подкинул ей картинку того, с чем придется разбираться дома, как только она ступит на московскую землю прямо с припорошенного самолетного трапа...

– Дай сюда, – Яна почти вырвала стаканчик из Дашиных рук, выпила его в один глоток, скомкала теплый пластик и зачем-то сунула в карман своей парки. Все равно потом стирать.

– Как эта хрень надевается?

Хрень надевалась в несколько заходов. Сначала огромные длинношерстные штаны, которые были велики Яне размера на три. Благо, в Дашином рюкзаке нашлась заколка-краб, и штаны удалось прихватить на талии. За штанами последовал тяжелый верх, который пришлось надевать через голову. Шерсть, покрывающая костюм была длинная, как у борзой

или даже у яка, и пахла совершенно отвратительно.

– Мокрым козлом воняет, – приняхался звуковик Костик. – Бодренько так!

Яну мутило. Шерсть действительно была сыровата и весь костюм казался влажным – то ли от начавшего падать снега, то ли от пота предыдущих его носителей.

Из одной из хозяйственных сумок появился пояс с колокольцами. Когда мужчины застегнули его на Яниной талии, он аж присела, такой он был тяжелый. Из второй сумки Миша извлек огромную, в четыре Яниных головы высотой шерстяную маску. На месте лица у маски была демонически оскаленная рожа, вырезанная из дерева, лоб которой перетекал в длиннющую косматую папаху или бифитерскую шапку, которую венчали устрашающего вида ветвистые рога.

– Не-не-не-не, – замотала головой Яна. – Вы мне шею сломаете.

– Янчик, на пять минут! Десять максимум! – тут же продемонстрировал свои дипломатические навыки оператор Миша. – Зайдешь в кадр на бульваре, попрыгаешь со ждущей группой, перерыв, снимаем маску. Зайдешь второй раз, пара интервью по минутке, – и всё! Дальше у нас по плану съемки в ресторане, никаких костюмов, кебабчики, ракию будешь пробовать, давай, зайчик. Ради нас всех. Быстрее начнем, быстрее дальше двинем.

Они отправились на бульвар, и, показав разрешение на съемки, попросили местного стража порядка отодвинуть для

них одну из секций металлического ограждения. За забором как раз разминалась в ожидании своей пятиминутки славы на площади группа из одной из ближних деревень, прошлогодние победители, которые и одолжили Янин костюм.

– Давай, Ян, – напутствовал ее Миша, настраивая фокус. – Материал огонь будет. Глядишь, еще и на ютьюб-канале зайдет.

Даша вместе с Костиком водрузили на Янину голову громоздкую конструкцию маски. В прорези для глаз почти ничего не было видно, изнутри запах пота и сырой шерсти делался почти невыносимым. Конструкция давила на плечи и было сложно не кренишь голову под ее тяжестью. Видимо, участники Сурвы серьезно тренировались заранее – удерживать маски в равновесии, да еще и на ходу, было действительно непросто.

На Яну опять накатило – горло вывернуло колючкой, между бровей тяжестью налились будущие слезы.

– Айде! Айде тук при нас! – сквозь маленькие прорези маски она увидела, как чудище в похожем волосатом костюме призывно машет лапой.

– Янчик, пять минут! Костик, я пишу! – донеслось до нее сзади.

Она подошла к группе. Помимо нее там было еще несколько косматых монстров с колокольчиками на поясе, пародийная свадьба – такие были в каждой группе – с мужиком, переодетым в невесту, женщиной, переодетой в жениха,

нарочито маскарадным попом и обязательным для свадебной группки человеком в костюме медведя, а еще девушки в национальных костюмах, волынщики и парень с огромным белым барабаном, украшенном разноцветными лентами.

Людьми в костюмах монстров командовала девчонка-подросток, лет пятнадцати. Полненькая, высокая, с разрисованным красной краской лицом и двумя тугими косами, она была одета в костюм, напоминающий их лохматое облачение, только вот вместо козьей шерсти на нем висели разноцветные стреляные гильзы от охотничьего ружья.

– Стильненько, – подумала Яна. – На какой-нибудь неделе моды точно бы зашло.

На шее у девицы висел физкультурный свисток.

Яну затолкали в круг к другим чудовищам, бойкая девушка прокричала что-то ободрительное, взяла свисток в рот, и пронзительно засвистела, задавая ритм какой-то простой футбольной стучалки. Ее ритм тут же подхватил стоящий рядом с волынщиками барабанщик.

–Пам-пам-папапа– папапапа-папа!

Ряженые вокруг нее начали подпрыгивать в такт, и тяжелые колокольцы наполнили воздух оглушительным шумом.

– Господи, я же тут с ума сойду! – простонала Яна, но запрыгала вместе со всеми. Миша, в конце концов, был прав. Раньше начнем, раньше закончим.

Наблюдающая из-за ограждения толпа радостно зааплодировала. Девчонка продолжала свистеть, барабанщик бил в

барабан, Яна скакала. Ей было безумно тяжело. Пояс с колокольцами тянул ее к земле, маска давила на шею, она пыталась придерживать ее руками, снимая тяжесть с плечей, но это не особо помогало.

–Пам-пам-папапа– папапапа-папа!

Вот сейчас. Вот сейчас она все-таки разрешится. Бросит все, сядет прямо тут на землю, перед девчонкой в костюме из стреляных гильз, перед монстрами и волынщиками, перед населением города Перник и всеми софиянцами, приехавшими сюда погулять, перед всем этим беснующимся громким миром и...

–Пам-пам-папапа– папапапа-папа!

Девчонка свистела все быстрее, барабанщик лупил все громче, монстры вокруг скакали все быстрее, невозможно было выпасть из этого буйствующего ритма, невозможно было остановиться...

–Пам-пам-папапа– папапапа-папа!

Стало так громко, что Яна перестала слышать собственные мысли. Ни готовую зареветь обиженную девочку Яночку, ни ироничное взрослое эго, говорящее голосом продюсера Володи, ни яростную, оскорбленную женскую стихию, которая бушевала в ней уже второй день с того самого момента, как...

–Пам-пам-папапа– папапапа-папа!

– Мой муж мне изменяет! – вдруг заорала Яна во весь голос. Вокруг нее был такой шум, что никто ее не услышал,

даже сама себя она почти не слышала.

– Мой муж мне изменяет!

– Пам-пам-папапа– папапапа-папа!

– Леша мне изменяет!

– Пам-пам-папапа– папапапа-папа!

– Он такой тупой, что не подумал, что залогинен в свою почту! На моем телефоне! Дебил!

– Пам-пам-папапа– папапапа-папа!

– Ему пришло уведомление об успешном бронировании номера! Когда он должен был быть на своей! Сральной! Работе!

– Пам-пам-папапа– папапапа-папа!

– Я поехала в отель! Такая дура! И спросила! Спросила на ресепшене!! А они мне сказали!!

– Пам-пам-папапа– папапапа-папа!

– А может он не парится потому, что ему вообще уже плевать! А я чувствовала, что все не так! Давно же, дура, чувствовала! А он врал! Врал, что хочет детей! А я, идиотка, верила!!! Увольняться хотела! А сейчас придется с ним говорить! И объясняться! И разводиться! И переезжать! А-а-а-а! Как же мне хренова-а-а-а!

– Пам-пам-папапа– папапапа-папа!

– А-а-а-а-а! – Яна орала в голос, и прыгала все быстрее, она кричала, как ей плохо, а ей становилось так хорошо, так легко, что казалось, маска ничего не весит, и пояс с колокольцами тоже ничего не весит, что сама Яна ничего не ве-

сит, и сейчас, сейчас еще чуть-чуть и поднимется над мостовой – косматое чудище с деревянным оскалом и ветвистыми рогами, с козлиной шерстью и пробоиной в сердце, и взлетит!

Все закончилось внезапно. Девчонка просто перестала свистеть. А парень перестал бить в барабан. И все вдруг разом приземлились на землю, заговорили, захохотали, закланялись на аплодисменты публики. Сняли маски. Вытерли пот со лба. У них были все шансы опять победить на этой Сурве. Кто-то помог Яне стянуть тяжелую маску. Кто-то хлопал по плечу, даже обнял. Она обняла в ответ.

Костик махал руками и показывал поднятые вверх большие пальцы. Даже индифферентная ко всему Даша улыбалась.

– Янчик, ты мой герой! Звезда моя! Чудище мое морское!

– Земное я, – улыбнулась Яна.

– Ты как, не устала? – спросил Костик.

– Нет, не устала.

– Тогда пять минут перерыв, я тебе петличку перекреплю и пишем интервью?

– Да. Дашка, только сгоняй за пончиками. Большую коробку. Горячих прям попроси, чтобы как те первые были. И вина зеленого этого. Всем!

Яна утерла со лба пот. Она вся покраснелась, от нее воняло еще сильнее вымокшим козлом, впереди было интервью, потом ресторан, потом мастерская, в которых делали костю-

мы для Сурвы, потом Москва, потом чудовищный разговор, развод, поиск квартиры, трудный переезд. А потом еще один год в бесконечных поездках, теперь уже без тыла дома. Но ей было все равно.

Больше всего ей, пожалуй, хотелось в мастерскую – она решила купить одну кукерскую маску себе. Пострашнее. И колокольцы – потяжелее и погромче. Чтобы отпугивать злых духов. Сомнения. Глупые внутренние голоса. Страхи лжи и страхи правды. Чтобы напугать все это так качественно, чтобы оно даже не думало соваться близко к Яне на весь следующий год. И на следующий. И на все, что после.

Костик настроил микрофон, Яна водрузила на голову чудовищную маску и пошла прямо к обвешанной гильзами свистунье – брать интервью.

Зарядивший было мокрый снег вдруг прекратился, тучи сдуло ветром, и центр города Перника залило свежим южным солнцем.

Яна была абсолютно счастлива.

Мягкий пасс

Вообще, Крис приехал в Хисаря топиться. Точнее, не так. Начнем с начала.

Одним пасмурным йоркширским утром Крис взял большой черный пакет для мусора, собрал в него сорок восемь пустых пивных бутылок, нестройной кучкой толпившихся на

заднем дворе, кинул в рюкзак две пары трусов, футболку и штаны, запрыгнул в свою старенькую хонду и рванул через Европу.

Надо сказать, что главным эмоциональным спонсором рывка Криса в пространстве выступил Лорин инстаграм, отписаться от которого Крис просто не мог. Пару раз он заносил палец над волшебной кнопкой «Unfollow», у которой была возможность подарить ему если не забвение, то, по крайней мере, относительный покой, но нажать не получалось.

Лора ушла месяц назад, его университетская sweetheart, первые серьезные отношения, которые каким-то непонятным образом растянулись почти на 9 лет.

Уход от Криса очень шел Лоре – она скинула пару килограмм, покрасила волосы в бодрый розовый и завела роман с болгариним. Крис, наоборот, подурнел – месяц сидения в четырех стенах на куреве, пиве и ненависти придали его типично-невыразительному британскому лицу совсем уж некрасивый трупный оттенок.

Ненавистный болгарин неделю назад увез Лору на историческую родину, и ее инстаграм пестрел живописными видами балканских природ и бесконечными фото из разнообразных едален. На всех фото Лора поблескивала сытой кошачьей улыбкой, и не было никаких сомнений, что отпуск проходил отлично.

Одним пасмурным йоркширским утром, когда Крис в сотый раз просматривал ее фотографии, внутренний голос ска-

зал ему, что надо ехать. Крис не спросил у внутреннего голоса о цели своего визита в Болгарию, а если бы и спросил, вряд ли бы у голоса в тот момент нашлось логическое объяснение.

Голос погнал Криса на паром, затем через Францию, Италию, Хорватию, с остановками в дешевых отелях, с днем, потраченным в Белграде – но нет, Белград был не тем, Крису наплевать было на сияние Дуная в дрожащий от жары полдень, на огромные плескавицы, посыпанные сырым луком, на то, что это был его первый в жизни настоящий европейский трип. Его гнало дальше, в места, отмеченные геолокацией Лориного айфона.

Хисаря – местечко, в котором Лора провела несколько дней неделю назад, и из которого успела уже уехать к Черному морю, располагалось в самом центре страны, окруженное благостным ничем. Слева были выжженные августовские поля, справа – тоже, наверху на скрипяще-голубом небе топорщились внушительные крахмальные облака, а посреди расположилась шикарная конюшня, манеж для выездки лошадей, и обслуживающий лошадиных энтузиастов отельный комплекс с бассейном.

Крис оставил машину на парковке, оплатил на рецепции номер на три ночи (именно столько, судя по его инстаграмному расследованию, провели здесь Лора с ненавистным), и залег у бассейна.

Загорать он не любил – бледная кожа немедленно сторала

до вареного рака, плавать не умел – так и не смог преодолеть детскую боязнь воды. Оккупировавший дальний шезлонг в самой тени, и лежащий на нем в футболке, джинсах и кроссовках, Крис ловил на себе любопытные взгляды раздетых отдыхающих.

Решение топиться пришло к нему на четвертой бутылке заказанного из бара у бассейна пива. Оно казалось простым и каким-то правильным. Решение внутреннему голосу подсказал круглый болгарский мужчина, игравший с двумя своими не менее круглыми сыновьями в бассейне. Они кидали друг другу мяч, пытаясь отбивать его ладошками, по-волейбольному, и иногда у них получалось сделать десять, даже пятнадцать пассивов друг другу, не роняя мяч. Мальчишки, – им было лет восемь-десять, – принимали передачи от папы, который с плавной, завораживающей грацией, свойственной иногда полным людям, подбрасывал мяч в воздух и направлял его к сыновьям мягким движением кистей рук.

Крис, которого мутило от запаха собственного пивного дыхания, подумал, что он не может существовать в одном мире с этим плавным мужиком. Точнее, мысль прилетела к нему мягкой подачей и сама медленно покатила по расплавленному от жары, алкоголя, и долгого переезда пространствам Крисовой головы. Она столкнулась с другой мыслью – о том, что он не может существовать в одном мире со ставшей вдруг такой счастливой без него Лорой с рукой ее нового болгарского бойфренда на талии. Да-да, фото от тре-

тьего августа в этом самом бассейне, в купальнике, который они покупали вместе еще в мае. Две мысли столкнулись и издали глухой звук. Из звука родилось понимание – надо.

Следующие несколько часов Крис лениво перебирал альтернативы. Он заказал еще пива. На голодный желудок голова плыла и пульсировала идеями. Есть же конюшни. Молодой житель Йоркшира затоптан жеребцом в болгарской деревне. Хороший заголовок, но где гарантии, что жеребец вместо этого не зашепчет ему в ухо мягкими влажными губами в надежде на несанкционированный сахарок?

Выпить еще пару бутылочек, сесть за руль, разогнать машину, и... Ну, во-первых, вокруг чисто-поле, ни скал, ни утесов, ни даже завалищего оврага. Хорошие шансы на выживаемость. Во-вторых, старенькая хонда все равно не разгоняется до нужных скоростей. Нет гарантий, совсем нет гарантий.

Бассейн перед Крисовыми глазами жил своей циклической жизнью. Включались и выключались джакузи на входе. Подводные лавочки, из которых на бедра и животы сидящих вырывались потоки пузырей, заполнялись парочками и болтающими старушками, потом пустели, потом заполнялись снова. Дети сигали с бортиков, мамы купали младенцев, потом все отлеживались на шезлонгах, отъедали животики, отчитывали мозги, чтобы устать от жары и опять запрыгнуть в холодное голубое, затем замерзнуть через двадцать минут в воде, выползти наружу, и так опять и опять.

Только Крис оставался в статике, лежал в своих плотных джинсах, прилипал потной спиной к плетеной пластмассе лежака, цедил пиво, умирал, мучительно умирал от одиночества и от жалости к себе. От того, что его бросили, и он совсем никому стал не нужен в свои двадцать девять, даже себе самому. От того, что он приплелся сюда вслед за Лорой, от того, что бессмысленно гнаться за ней, нагонять ее на море, бить морду ненавистному новому. Все равно она ушла. Бросила, несмотря на девять лет, несмотря на то, что было скучновато, но неплохо же, Лора, неплохо! Несмотря на то, что он ее любил, а ей вот так вот просто захотелось поменять свою жизнь. Ему, может, тоже захотелось поменять свою жизнь на нежизнь. Имеет право.

Значит, все-таки, бассейн. Заплыть на глубокую часть, а дальше – дело за Крисовым неумением плавать. Главное, не закричать, не начать звать на помощь, а там организм сам опустит его на дно. Есть гарантии, есть.

Крис долежал до заката, плюс еще две бутылки, ага, ко-сись-ко-сись на меня, бармен, за все заплатил, поэтому нечего коситься. Долежал до того, когда последние купающиеся замерзли, наконец, и ушли ужинать. Слилсь с пейзажем так, что его даже не заметил пришедший на смену отдыхающим уборщик. А если и заметил, то ничего не сказал.

Из отельного ресторана начали доноситься звуки голосов, звон тарелок, громкая музыка. В бассейне включилась подсветка – фиолетовые и голубые подводные фонари.

Крис поднялся, наконец, с лежака. Его шатало из стороны в сторону. В голове не было никаких мыслей, все мысли закончились и растворились в пиве, осталось только радостное спокойствие.

Не раздеваясь, Крис начал заходить в бассейн.

Шаг, два, три, вниз по ступенькам. Вода холодная, но ему прекрасно, он перегрелся, а сейчас остынет. Навеки. Ха-ха. Заткнись ты, внутренний голос! У нас тут серьезное дело.

Так, значит, еще пару шагов, вода уже по грудь, выходим из грудничковой зоны во взрослые воды. Теперь можно и поплыть. Доплыть до глубокой части он может. По-собачьи, барахтаясь, еле-еле преодолевает эти метры. Уже устал. Отлично! Есть, есть гарантии!

Вот теперь, теперь достаточно глубоко, уже нет сил барахтаться, теряется равновесие, как хорошо, что он не умеет плавать. Крис задирает голову, над головой черное небо и звезды какие-то мелкие на нем, некрасивые, не жалко, ничего не жалко оставлять, ни куцые звезды, ни Лору с ее новыми розовыми волосами и новой жизнью, никакого больше инстаграма, никакого больше вообще ничего, хватит!

Крис перестает барахтаться, расслабляет уставшее тело и уходит под воду.

Крис расслабляет уставшее тело и уходит под воду, но вода-то никуда не уходит, она ему по подбородок. Он стоит на цыпочках, прекрасно ощущая кроссовками дно.

Крис делает пару шагов вглубь, но глуби нет. Становит-

ся только мельче. Влево? Вправо? Теперь опять по подбородок. Крис мечется по кругу, пытаясь потерять из-под ног дно, но вместо этого замечает стоящий на бортике треугольный знак. На нем краснеют цифры 1.70.

Крис вдруг понял, что замерз. Холод быстро выбил из головы забродивший там на жаре алкоголь. Зачем-то поплелся, перебирая кроссовками по дну и слегка подпрыгивая в водной невесомости, в сторону подводной лампы.

Замер прямо над, и руки окрасились в фиолетовый. Было красиво. Он смотрел на свои длинные кривоватые пальцы и думал о том, что нельзя быть таким идиотом.

Крис подогнул колени и зачем-то опустился под воду. Моргнул два раза в лиловую хлорку бассейна, и вернулся на поверхность. Правое ухо немедленно заложило.

Крис запрыгал на левой ноге, отталкиваясь от кафельного дна, затряс головой – ничего. Запрокинул голову вверх, и тут с глухим хлопком ухо отпустило.

Это внутренний голос, обретя, вдруг, давно утерянную полноту, подал Крису мягкий пасс плавным движением кистей.

Над бассейном в глубоком болгарском небе ярко сияли звезды.

Сорок сороков

Из пены уходящего потока

На сушу тихо выбралась любовь

И растворилась в воздухе до срока,

А срока было сорок сороков.

Владимир Высоцкий

Почему-то все пропустили момент, когда Русский купил последний дом по улице Росица. Баба Йорданка, соседка из предпоследнего дома по улице Росица, все ломала голову, как так произошло. Дом 22, на самом краю улицы, стоял закрытым с середины нулевых. Когда-то она хорошо знала его владельцев, семейство бездетных старичков Стоевых, но Стоевы умерли в девяностых, дом переходил от одного наследника к другому, потом его продали каким-то третьим, совсем не связанным с семьей людям, а те в него так никогда и не въехали. Те люди жили, вроде бы, в Софии, баба Йорданка видела их раз или два за десять лет, попыталась было как-то по-соседски завязать разговор, но столичные с ней особо разговаривать не захотели, вежливо ответили на пару вопросов, и уехали.

А теперь вот дом продали Русскому, и он тихо, ни с кем не познакомившись, не поздоровавшись, въехал, да и зажил. Сначала баба Йорданка заметила свет в окошке, думала, со-

фиянцы вспомнили про свой дом, приехали в порядок его привести – хоть он и стоял без жильцов, а был, все же, живой, из дерева и камня, и как все живое нуждался в заботе. За домом давно никто не приглядывал. Может, он и гнить уже изнутри начал, кто ж знает.

Но свет в окошке оказался вестником прибытия нового хозяина. Переезд Русского легко было пропустить – никаких грузовиков, никаких уже с утра пьяных грузчиков, вытаскивающих кремовый диван прямо в весенние грязи, никакого шума. Он приехал налегке. Приехал, включил свет и начал жить.

Баба Йорданка впервые увидела нового соседа на третий день после того, как в окнах снова зажегся свет. Она курила у себя в саду, сидя на скамейке под айвовым деревом – в самом своем любимом месте. Ее участок от соседского отделял совершенно номинальный забор – погнувшаяся под тяжестью многих зимних снегов металлическая сетка. Сосед появился на крыльце дома внезапно – вынес из дома стул, и устроился на нем – тоже покурить. Он был молодой, лет тридцать пять, не больше, в джинсах и сером свитере, без куртки. Сама Йорданка куталась в три слоя – кофта, еще одна кофта и непродуваемая куртка-штормовка, которую в том году привез из Англии сын. Было начало марта, и хотя вся зимняя хмурица уже оттаяла и потекла, воздух был сырым и холодным.

– Здравей! – помахала рукой баба Йорданка.

Мужчина дернулся, не ожидал. Йорданка помахала еще раз. Тот неловко махнул в ответ.

– Как се казваш? – крикнула она ему.

– Извините, я не говорю по-болгарски, – замявшись ответил мужчина.

– А-а-а-а, значит, русский! – баба Йорданка в школе была отличницей, а потом долгие годы работала в приморском туризме. Русский она помнила хорошо. – Как зовут?

– Андрей.

– А я Йорданка!

Андрей нервно кивнул, и немного отвернулся в сторону на своем стуле. Затянулся. Баба Йорданка не удивилась, русских на своем веку она перевидала достаточно. Братушки – братушками, а все-таки люди северные, закрытые.

– Если что, заходи! Не се притеснявай. Не стесняйся! – баба Йорданка докурила, кинула бычок в алюминиевую банку из-под горошка, которую она проволокой примотала к айвовому стволу, и пошла в дом. Зоопарк в лице двух котов – Копара и Магданоза, Укропа и Петрушки, – был некормлен, магазинных кормов на два вечно голодных рта не напасёшься, поэтому пора было готовить им ежедневную мясную кашу. Тем более, хоть и в три слоя с английской штормовкой, а холодно. Закрывая за собой дверь в дом, она увидела, что Русский смотрит ей вслед.

– Странно все-таки, – подумала баба Йорданка. – Зачем он сюда?

По иронии, сама баба Йорданка вернулась в родную деревню к корням, родительским могилам и семейному гнезду тогда, когда семьи, по сути, не стало. Муж Светльо умер в пятьдесят пять от инфаркта, просто не проснулся утром, и все. А сын, невестка и совсем обританившиеся на далеком туманном острове внуки приезжали навещать раз в год.

Тогда-то и было решено сдать квартиру в Варне у моря, в которой они со Светльо прожили без малого тридцать лет, и перебраться подальше от тяжелых приморских зим с пронизывающим до костей ветром обратно в родные горы, в деревню недалеко от города Враца на северо-западе Болгарии. Сын помог отремонтировать основательно приунывший за время со смерти ее родителей дом, и Йорданка зажила не то, чтобы счастливо, но, в общем-то, неплохо. Грех жаловаться. За десять лет она обзавелась своим маленьким зоопарком, задружилась с соседями, половину из которых знала еще с детства, и проводила свои дни спокойно – читала книги, смотрела телевизор, научилась даже пользоваться интернетом и смотреть интересное на ютьюбе, получала пенсию и ежемесячные деньги от сына, иногда заводила старый фольксваген и ехала за покупками во Врацу.

Новых людей в дереве было мало. Либо приезжали как Йорданка – доживать спокойную старость, либо, но это редко, семьи из Врацы покупали здесь старые дома или строились заново – тут земля стоила совсем копейки, можно было себе позволить. На улице Росица таких новичков не было.

Иностранцы сюда вообще не приезжали. Они покупали дома либо у моря, либо рядом с горнолыжными курортами. Бывали, правда, редкие случаи, когда англичане покупали дома в деревнях вроде Йорданкиной, но на север они почему-то не залезали, оседая либо в центре страны, либо на юге, ближе к Греции.

Удивительным было и то, что Русский приехал один. Одиночки обычно перебирались в крупные города, в Софии, например, был настоящий бум эмигрантов со всей Европы. Йорданка слышала от сына, что каким-то образом в Болгарии был отличный интернет – самый дешевый и быстрый в Европе. Как он работает она не понимала, но слышала, что в столицу перемещают свои офисы крупные европейские компании, и привозят за собой много молодых и активных ай-тишников. Сын Йорданки тоже был программистом и она втайне надеялась, что он на волне этого бума вернется на родину и привезет детей – зоопарк зоопарком, а внуков никакие коты, пусть даже самые замечательные, не заменят. Но невестка хотела продолжать жить в Бристоле, а дети ходили в английскую школу и болгарами себя почти не считали. В общем, возвращение семьи на родину происходило исключительно в Йорданкиных мечтах. Они, правда, тоже ее звали в Англию. Сын – потому, что скучал без матери, невестка, на счет которой баба Йорданка не питала никаких иллюзий, – потому, что няня стоила дорого. Но Йорданка отнекивалась, говорила, что умирать хочет только на родной земле. Не то,

чтобы она это планировала вскорости делать, но эту их Англию с бесконечной мелкой моросью и конскими ценами на невкусные продукты она на дух не выносила.

В деревни, если уж добирались до деревень, иностранцы обычно приезжали семьями – поднимать дом, растить детей на свежем воздухе, экономить понемножку на продуктах, может, даже выращивать в огороде что-то свое. А вот что в селе было делать одному Русскому в старом неремонтированном доме – это был вопрос интересный.

Готовя зоопарку мерзкого вида, но полную всяческих полезностей мясную кашу, баба Йорданка сама себе улыбалась.

– Ну что, обормоты? – обращалась она к внимательно следящим за ее кастрюльными манипуляциями котам. – Баба-то ваша детективов перечитала.

Йорданка действительно очень любила детективы. С тех пор, как сын с трудом научил ее закидывать файлы на электронную книгу, у нее появилась возможность читать всё, чего душа пожелает. Йорданкина душа иногда желала и классику – месяц назад она перечитала читанную раз в юности Госпожу Бовари, но больше хотелось чего-то легкого, но увлекательного. Детективы для этого подходили идеально. Баба Йорданка не делала особых различий и читала как классику жанра – Кристи и Сименона, так и современных детективщиков, русских в том числе.

Конечно, ее напитанное детективами воображение тут же выдало пару увлекательных объяснений появления загадоч-

ного Русского в соседнем доме. Должник, скрывающийся от кредиторов? Бандит, убегающий от разборок двух враждующих группировок? Убийца, схоронившийся от разоблачения в болгарской глуши?

– Перечитала, точно вам говорю! – баба Йорданка начала раскладывать готовую кашу по мискам, и Копар и Магданоз, прекрасно зная, что каждый получит поровну, все равно, азарта ради, затолкались вокруг ее ног, тыча носами в руки и мешая уравниванию долей.

На злодея Русский был не похож. Да, смурной, но так они все такие. Какой-то облезлый, правда, как кот помойный. Неприкаянный какой-то. Может, вообще он из другого жанра. Любовный роман, например. Лечит разбитое сердце в заброшенном доме. Или вообще художник какой-нибудь. Или, еще лучше, писатель. Приехал за вдохновением в балканские горы. Все может быть.

Бабе Йорданке было очень любопытно. Очень. Вечером она решила, что с утра испечет баницу и пойдет угостить соседа. Проявит балканское гостеприимство, а заодно, может, чего о нем и узнает. Как-никак, завтра вечером было очередное заседание, как называл это муж одной из участниц, «говорильни». Собрания кумушек-подружек из двух домов на улице Росица и одного дома на улицу выше, с Теменужки, за бокалом вина и хорошей сплетней. «Говорильня» происходила каждую неделю, хозяйки менялись по кругу, и завтра как раз была Йорданкина очередь принимать гостей. Те

наверняка уже заметили появление нового соседа, и разочаровать приятельниц баба Йорданка уж точно никак не могла. Ну, или, по крайней мере, такое оправдание она для себя выбрала.

Йорданка проснулась, как всегда, рано, около шести утра. Разбудили разбойники-коты, а если бы и не разбудили, все равно бы сама встала чуть свет. Она сделала себе кофе, крепкого, без молока, нарезала белого сыра сирене, вывалила с ним рядом в тарелку немного лютеницы – овощной заготовки, банками с которой наполнился погреб. Отщипнула от вчера испеченной белой булки, обмакнула в лютеницу, заела сыром. Вкусно. Дожевав свой почти бутерброд, она взяла чашку с кофе и вышла в сад, встала на свое место у айвы, закурила. В соседском доме было тихо, как будто никто в него и не въезжал.

Первая сигарета была самой лучшей, от нее слегка кружилась голова, и баба Йорданка играла с собой в игру. Она закрывала глаза, вдыхала едкий дым, и представляла, что будто бы никто не умер. Родители живы и Светльо, и даже ее бабка и дед, рожденные на самой заре прошлого века. И все сидят на веранде за длинным деревянным столом, едят, пьют ракию, громко о чем-то говорят. А еще приехали живые, приехал сын с невесткой, а вокруг стола бегают с деревянными палками младшие внуки, играют в свою детскую нестрашную войну. В этой ее мечте все были счастливы, жи-

вым и мертвым было хорошо друг с другом. Потом Йорданка открывала глаза, и, глупо, но каждый раз на всякий случай оборачивалась назад, вдруг сбилось? Вдруг сидят? Но веранда каждый раз оказывалась пустой, а длинный, разохшийся от летней жары и зимней сырости обеденный стол давно был накрыт несколькими слоями клеенки – чтобы совсем не развалился.

Баба Йорданка позволяла себе такую блажь только раз в день, за утренней сигаретой. Она знала, что даже если бы вдруг эта утренняя магия сбылась, никакого «всем хорошо» не получилось бы. В ее когда-то большой семье, как, впрочем, в любой нормальной семье, все поколения всегда друг на друга обижались, скандалили, спорили до хрипоты, и в тайне считали себя правыми.

– Ну ладно, – вслух сказала баба Йорданка. Чем старше она становилось, тем нормальнее казалось разговаривать с окружающим миром, и не только с его животными проявлениями в виде наглых котов, а вообще с тем, что вокруг. – Пора и честь знать.

На кухне она взяла поставленные с вечера размораживаться листы теста фило, разложила два листа на глубокий противень, выложила сверху белый сыр сирене, потом еще два листа теста, сыр, тесто, сыр, пока не закончились все листы. Нарезала слоеную конструкцию на квадраты, растопила в микроволновке сливочное масло, полила им баницу. Взбила венчиком яйца с молоком, молоком, правда пришлось поде-

литься с бандитами. Каждому в свою мисочку по разным углам кухни – за молоко они были готовы продать все полагающиеся им девять душ с родной матерью в придачу.

Йорданка подняла противень, потрясла его, чтобы молочная заливка проникла во все разрезы. Баница была первым, что она научилась готовить еще совсем девчонкой. Сначала помогала бабушке, потом бабушка просто следила, а девятилетняя Йорданка делала все сама. Тогда поднимать противень было тяжело потому, что в маленьком теле не хватало силенок. Потом она о противне даже не задумывалась, все делалось на чистом автоматизме. А сейчас, вот она, вечная рифма молодости и старости, опять стало тяжело.

– Грех жаловаться, – подумала баба Йорданка, задвигая противень в нагретую духовку. – Господи, если ты слышишь, не слушай. Всем довольна, все в порядке.

Тело бабы Йорданки было к ней относительно милосердно. Никогда не сидевшая на диетах, не толстая и не худая, крепкая, она дошла до пожилых лет в хорошем здоровье. Иногда, особенно в сырую погоду, болели суставы и голова тяжелела на смену погоды, но, в целом, особенно в сравнении с вечно разваливающимися как невесты Франкенштейна соседками, тело было к ней милосердно и не предавало.

Пока пеклась баница, баба Йорданка переделалась – из домашнего спортивного костюма в джинсы и шерстяной свитер, расчесала свое когда-то густое, а сейчас заметно поредевшее каре и даже накрасила губы приличной пыльно-ро-

зовой помадой, купленной месяц назад в одну из вылазок во Врацу. Она сама не знала, зачем. Деревенская жизнь сильно отличалась от городской, здесь зайти к соседу со свежей выпечкой было совершенно нормальным делом, но это же был Русский, у них так, вроде бы, было не принято. Культурные различия не могли остановить Йорданкино любопытство, но, по крайней мере, придали ему более цивилизованную форму.

Йорданка дождалась одиннадцати – ее сын был типичной совой, в детстве разбудить его в школу было практически невозможно, а по выходным он вообще спал до часу-двух. Покойный Светльо, как и она, был жаворонком, но после нескольких лет бесплодных попыток переучить сына, они оба плюнули, и прочно выучили, что бывают люди, для которых утро никогда не доброе, поэтому легче их просто оставить в покое и дать добрать нужный организму до- и после-полуденный сон.

Она выложила баницу на деревянную разделочную доску, накрыла полотенцем, и отправилась в гости к Русскому. На ее стук долго никто не открывал, потом где-то в глубине дома послышалось шевеление, зашкрябало отдвигаемым стулом или креслом, зашаркали по полу шаги.

Русский открыл дверь. На нем был тот же свитер, что и вчера, те же джинсы, только видно было, что он плохо спал – под глазами были темные, куда-то в нездоровый фиолет круги. Он, вообще, выглядел не очень – худой, как будто кем-

то где-то забытый, как будто долго лежал на каком-то заброшенном складе, а сейчас, волею судеб, впервые вылез на свет Божий.

– Да? – в его голосе была хрипота только что проснувшегося человека. Неужели так и спал, в одежде?

– Доброе утро, Андрей, – улыбнулась Йорданка. – Надеюсь, я тебя не разбудила?

– Нет, нет, что вы, – быстро промямлил мужчина. Было видно, что врет, разбудила. Но, по крайней мере, вежливый.

– Я тут приготовила баницу, знаешь, что такое баница? Принесла тебе на завтрак. Тут в селе магазин небольшой – так, если молоко кончится, купишь, а вот за большими покупками надо ездить во Врацу. Я в субботу поеду, если хочешь, присоединяйся.

– Спасибо.

«Спасибо» прозвучало неопределенно. «Спасибо, да»? Или «Спасибо, я как-нибудь сам»?

– А баница свежая, я сыр, когда не ленюсь, на ферме у Груйчо беру, козий сирене не люблю, очень уж козлом воняет, а вот коровий у него отлично получается.

Она протянула Русскому доску с баницей, тот взял кусок, медленно откусил, пожевал.

– Вкусно, спасибо.

Они замерли на крыльце – медленно жующий Русский и баба Йорданка с тяжелой разделочной доской-подносом. Он дожевал, явно хотел взять второй кусок, но стеснялся.

– Знаешь, я тебе оставлю баницу, хорошо? Ты только приехал, готовить, наверное, пока не хочешь. Пусть будет. У тебя холодильник-то работает?

– Да. Спасибо.

Русский неуверенно взял у Йорданки разделочную доску, да так и замер с ней в руках.

– Доску, если хочешь, вечером занеси. Или я завтра сама зайду. Да?

– Хорошо. Спасибо.

– Ну, тогда, до свидания, Андрей. Если вдруг что надо будет, ты заходи. Стучи, не стесняйся.

Йорданка постояла еще пару секунд, вдруг Русский все же сообразит пригласить ее внутрь, но тот так и стоял молча как приклеенный, смотря куда-то поверх Йорданкиной головы.

– Ну и черт с ним, – думала баба Йорданка, закуривая сигарету по пути с соседского участка к своей айве. Ей было обидно, что не получилось проникнуть в дом, глянуть хоть глазком на то, как обустроился немногословный сосед, но она не сдавалась.

То, что никакую доску он сам ей не принесет, было понятно. Но это значило, что у Йорданки будет повод зайти к нему на следующий день, а там, авось, тот догадается и чаем угостить. Болгары чай пили редко, но Йорданка знала, что русские пьют его литрами и гостям предлагают в первую очередь.

– Может, действительно, убийца какой? – подумала она,

туша бычок о стенки алюминиевой банки.

Хотя, вряд ли. Больно уж он хилый был, этот Русский. На такого дунешь, сломается. И глаза у него были не убийцы, а, скорее, жертвы. Очень усталые глаза.

Баба Йорданка сама не заметила, как пропустила момент, в который стала бабой. То есть, момент был как раз очевиден – рождение в далекой Англии первого внука, но вот когда точно окружающие начали звать ее не просто Йорданкой... Может, дело было в Светльо – он мечтал о внуках, и как только, всего за пару лет до смерти, получил весточку о рождении первого, гордо стал прибавил к имени статус – Дядо Светльо. Ну и ее, видимо, стали называть бабой за компанию. А потом и сама она привыкла, и начала представляться молодежи «бабой».

Йорданка старалась не думать о возрасте. Светльо всегда говорил, что с его-то богатырским здоровьем точно доживет до девяноста. Йорданка на него шикала – не говори «точно», «точно» только наверху знают. И оказалась права. Поэтому сама она далеко идущих планов не строила – незачем.

А вот кто точно никогда не называл ее бабой, потому что сами были точно такими же, так это ее подружки-соседки, те самые, что в тот вечер собрались у нее на вино с закусками и сплетни. Стефка и Биляна. Стефка, как и Йорданка, вдова, Биляна – при муже, добродушном толстяке Георгии.

Со Стефкой, которую Йорданка не видела на момент пе-

реезда лет сорок, хотя и знала почти с рождения, они сошлись сразу. То ли воспоминания о проведенных вместе бесконечных – как это только бывает в детстве – летних днях, то ли общее недавнее вдовство, но они стали близкими подругами. Виделись они часто, пару, а то и тройку раз в неделю, иногда выбирались на длинные прогулки. Детей у Стефки не получилось, поэтому после смерти мужа ей было совсем тяжело, и возвращение Йорданки она восприняла как дар Божий. Стефка была религиозна, работала на непыльной работе в местном почтовом отделении, а в свободное время помогала в местной церквушке и разводила снаружи и внутри своего дома цветы, лианы и совсем уж непроизносимые экзотические растения. В зелени она разбиралась не хуже ботаников, знала даже латинские названия и все время что-то вдохновенно пересаживала, окучивала и удобряла, в общем, с удовольствием облагораживала свой и соседские участки. Она все подбивала Йорданку устроиться к ним на почту на работу. Деньги там платили копеечные, а вот рук свободных всегда не хватало, поэтому пенсионеркам там были рады. Йорданка и сама подумывала выйти от скуки на работу, но Стефкин вариант с почтой не рассматривала – хоть Стефка и была ей теперь самой близкой подружкой, болтать она любила так, что через пару-тройку часов с ней рядом начинала раскалываться голова. Поэтому Йорданка, при всей любви к приятельнице, находила все новые предлоги не становиться ее коллегой, но Стефка если и обижалась, то только

для проформы. На Бога, внезапно принесшего ей утешение в лице подруги детства, вернувшейся из приморской Варны в родное село, роптать, по Стефкиным понятиям, было грешно.

Другая соседка – Биляна – была простой, приятной женщиной лет на шесть лет младше Йорданки и Стефки, у нее было четверо взрослых детей, из них только одна жила в Софии, других разбросало по всей Европе – Испания, Голландия, Майорка. С Биляной у Йорданки было абсолютное душевное единение по вопросу эмиграции младшего поколения. Помимо этого, поскольку обе они любили готовить, а Интернетом из них свободно владела только Йорданка (Биляна технологии не любила и осваивать не желала), Йорданка периодически приносила соседке новые рецепты выпечки, которые они обсуждали, усовершенствовали, а потом и пробовали под хороший крепкий кофе, который Биляна варила мастерски.

– Может, он алкоголик? Или наркоман? – предположила тем вечером Биляна, разливая по Йорданкиным красивым, когда-то купленным на годовщину свадьбы хрустальным бокалам, которые она никогда не жадничала выставлять для гостей, красное вино.

– Ну почему сразу наркоман, Билянчо? – удивилась Стефка. Она по умолчанию всегда думала о людях хорошее, поэтому часто разочаровывалась, но на разочарованиях не обжигалась, веря в то, что в каждом есть искра Божья, пусть в

некоторых и довольно далеко упрятанная.

– А что ты думаешь? Когда Слави в школу еще ходил, у них один мальчик в двенадцатом классе подсел. И никто ничего не знал долго, просто тот странный стал, агрессивный. А потом чуть от передоза не умер. Слава Богу, родители из отпуска с моря раньше вернулись, откачали.

– Этот не агрессивный, – возразила Йорданка. – Просто неприветливый.

– Может, он олигарх? – предположила Стефка. – Скрывается от преследования властей. Потому и неприветливый такой. Я слышала, у них Путин лютует, своих по тюрьмам сажает.

– Стефи, какой, прости Господи, в нашей дереве олигарх? – засмеялась Йорданка. – Олигархи их покупают виллы на побережье, чтобы гражданство Евросоюза получить. Там с полумиллиона, вроде, евро по недвижимости дают. А этот домишко он тысяч за десять купил, максимум. Левов, а не евро. Сколько, ты думаешь, наше барахло стоит? Не много, дорогая, не много!

– А твои детективные версии, что ли, лучше? – парировала Биляна. – Так мы до второго пришествия гадать будем. Почему бы тебе у него не спросить?

– Что ж, прямо так в лоб? Это мы тут, кошелки старые, друг про друга все знаем. А тут, все-таки, новый человек, иностранец. Вообще, может, первый раз в Болгарии. А тут мы с перекрестным допросом. Некрасиво как-то.

– А ты сама-то что думаешь, умная ты наша?

– Я думаю, только не смейся, с этим Русским как с котами надо. Братья прикормом.

– Что, молочко ему будешь в блюдце на крыльцо принести? – развеселилась Биляна.

– Или сухого корма в миску насыплешь? – подхватила Стефка.

– Ну, молочка не молочка, а выглядит он, знаешь, так, как будто неделю голодал. Олигарх, ага, конечно. Испеку ему завтра козунак если яиц хватит, продолжу его знакомство с болгарской кухней. Так, глядишь, прикормится, поразговорчивее станет.

– Ох, не хватает тебе, Йорданка, мужика, – поддела ее Биляна. – Все накормить кого-то тянет.

– Скажешь тоже, мужика. Мужиков мне точно больше не надо, мне вон этих двоих, – Йорданка кивнула на развалившихся на кушетке и сладко сопящих друг другу в животы котов, – с головой хватает. Внуков мне не хватает, вот чего.

– И не говори, – вздохнула Биляна. – Мне Слави обещал маленького на лето привезти, но не знаю, отпустит ли эта его Урсула. Такая она непостоянная, тьфу ты. Испанка, одно слово. Вот ветер в голове куда-то подул, все, передумала. Еще раз подул, что-то третье вдруг сообразила. А Слави ни с кем ссориться не хочет, все, значит, обещает.

Разговор тут же перетек в благодатное русло обсуждения плохих невесток, разлили потихоньку вторую бутылочку ви-

на. Открыв холодильник, чтобы подрезать на тарелку сыра и колбас, Йорданка отметила, что яиц, вроде бы, на завтра хватает.

Назавтра был козунак – сладкая сдобная булка, еще через день тиквенник, потом толумбички – продолговатые кусочки теста в сахарном сиропе, вслед за ними шла оставшаяся со времен турецкой оккупации баклава, а за ней крем-карамель. Менялись вкусы в руках бабы Йорданки, но не реакция Русского. Он открывал дверь, говорил спасибо за вчерашнее – было вкусно, и спасибо за сегодняшнее, брал угощение и не приглашал ее внутрь. Правда, на четвертый день – день толумбичек, Йорданке не пришлось напоминать ему вернуть вчерашнюю тару. Русский, видимо, заранее выносил Йорданкину посуду куда-то в прихожую, и там она ждала своего часа, за шесть дней окончательно установившегося в маленький ритуал. Каждый день в одиннадцать.

Йорданка могла бы, конечно, дать волю своему любопытству, надавить на Русского, заболтать его, просочиться вместе с потоком слов внутрь – это она как человек, проживший большую часть жизни при соц-бюрократии, прекрасно умела, но это того не стоило. На шестой день, отнеся ему очередной с утра приготовленный десерт, она даже подумала, что если вдруг в их маленькой свежестановленной рутине что-то изменится, она не будет этому рада – Русский держал в себе тайну, а тайны, как известно, хороши только нерас-

крытыми.

А изменилось все на седьмой день. С утра Йорданка, покопавшись в интернете, разнообразия ради испекла настоящую русскую кулебяку с капустой – может, это и было тем, что изменило привычный ход вещей. Когда она, одной рукой придерживая поднос с дымящейся, только что из духовки, нарезанной на ровные квадраты кулебякой, постучала в дверь соседа, никто не ответил. За дверью было тихо, совсем тихо. Никто не двигал креслом, не шаркал к двери, даже не шевелился.

Баба Йорданка постояла так с полминуты, потом застучала сильнее, начала звать: «Андрей! Андрей! Сосед!». Никто не отозвался. Саданув, на всякий случай, еще раз по двери, она попробовала ручку – и та поддалась. Ее это не удивило – цыган в деревне почти не было, да и те были свои, знакомые, красть особо было нечего, все жили примерно одинаково, так что двери часто оставляли незапертыми.

Йорданка вошла в прихожую. По левую руку от нее у самой двери стояла деревянная скамеечка, на ней Русский, готовясь к ее приходу, оставлял посуду с предыдущего дня. Снаружи было пасмурно, накрапывал дождь, поэтому внутри было темно, сумрачно. Йорданка примерно помнила расположение комнат, никакой существенной перестройки со времен старичков Стоевых здесь не было. Она прошла по узенькому коридору, направо туалет и ванная, впереди гостиная. Ремонт так и остался с девяностых, обои отходили на

стыках, деревянный пол скрипел под ее ногами. Единственное, что сделали нового промежуточные хозяева – вставили пластиковые окна, а так, казалось, дом в последний раз вдохнул где-то в девяностых, задержал дыхание, да так с тех пор и не выдохнул.

Баба Йорданка не закричала, когда увидела Русского лежащим на давно не мытом полу в гостиной. Он был даже не белого, какого-то серого, как половая тряпка, цвета. Рядом с ним валялась чашка, на полу остывало пятно пролитого чая.

– Только бы не холодный. Господи, только бы не холодный, – про себя попросила Йорданка. Самым страшным в уходе Светльо были эти первые минуты, когда он – свой, родной, ежедневный, а уже холодный.

Йорданка подошла поближе, присела рядом с Русским на корточки. Внимательно посмотрела на его тощую грудь под клетчатой рубашкой. Ткань пошевелилась. Дышит, слава Богу, дышит.

Она сразу позвонила в Скорую. Машина должна была приехать из Врацы, езды там было всего двадцать минут, и диспетчер строгим голосом сказала не трогать Русского до приезда бригады. Она нарушила этот наказ – села рядом на пол – от сиденья на корточках заболели колени, – и взяла Русского за руку. Рука у него была сухая и теплая.

Русский пришел в себя, когда машина скорой уже парковалась у его дома. Его губы задвигались, и Йорданка, нахло-

нившись поближе, услышала:

– Уходи. Не надо. Уходи...

Когда врачи его осматривали Йорданка деликатно вышла в другую комнату. Это была спальня, и при одном взгляде на кровать было видно, что на ней спали прямо так, не расстилая, на выцветшем покрывале, укутавшись старым теплым пледом.

– Как же он тут живет, господи? Как бездомный, – подумала Йорданка.

Она уже решила, что в следующую свою поездку за продуктами во Врацу купит соседу постельное белье и какие-нибудь самые простые бытовые приборы. То, что он нуждался в заботе, было очевидно. Почему – было совершенно непонятно.

В коридоре послышались шаги, голоса и Йорданка вышла из спальни. Два доктора у двери снимали с ног одноразовые бахилы.

– А вы... вы куда? Вы уже всё? Вы его не заберете? – удивилась баба Йорданка.

– Отказ от госпитализации, – пожал плечами один из медиков.

– В смысле, отказ? Ему же плохо.

– Отказ пациента. Мы его стабилизировали.

– Так а что с ним хотя бы? Как лечить? Может, лекарства ему какие купить?

– Там, госпóже, лекарствами уже бесполезно, – отозвался

доктор помладше, за что немедленно получил от старшего чувствительный тычок под ребра.

– А вы, простите, кем ему приходиться? – спросил старший.

– Соседка, – ответила баба Йорданка. – Он сюда неделю назад всего приехал...

– Ну вот, как соседка, сами у него и спросите, – отрезал врач. – И в следующий раз звоните не нам, а в его страховую. В конце концов, он не гражданин, тут по туристической визе, лечить мы его, в принципе, совершенно не обязаны. Первую помощь оказали, куда мы денемся, но дальше только по страховке.

– В смысле дальше... Если вы его стабилизировали, ему, значит лучше?

Младший врач только едва заметно пожал плечами, старший же решительно отправился на выход.

– Хорошего дня, – виновато улыбнувшись, пробормотал младший, и закрыл за собой дверь дома.

– Безобразие! – в сердцах вслух сказала Йорданка, и прошла в гостиную, посмотреть на стабилизированного Русского.

Тот сидел в кресле, укутавшись в плед. Чего-чего, а пледов после уютных старичков Стоевых осталось предостаточно. Он выглядел лучше, лицо было не такого землистого оттенка, но тени под глазами были резкие, почти черные, и нос выглядел каким-то особенно тонким – тронешь, сломается.

– Андрей, ты меня испугал, – баба Стоянка присела на кушетку напротив кресла Русского.

– Простите. Так получилось. Вы не должны были, конечно... Но раз уж... В общем, спасибо, что вызвали врачей.

– Они сказали в следующий раз звонить в страховку.

– Ну, да. Наверное.

– А он будет?

– Что?

– Следующий раз. Андрей, ты, если хочешь, чтобы я тебе помогла как-то... Если нужна помощь, ты говори. Человек человеку не волк. Здесь все всех знают. Все друг другу помогут. Ты не думай, раз в деревню приехал, что мы тут дикие. Ты сам-то откуда?

– Из Москвы, – еле слышно прошелестел Андрей.

– Ну хорошо, Андрей из Москвы. А я, как ты знаешь, баба Йорданка. Отсюда. Правда, почти всю жизнь в Варне на море прожила. Я сюда после смерти мужа вернулась. Век доживать. Ты-то сюда из Москвы чего приехал?

– Тоже.

– В смысле, тоже?

– Век доживать.

– Да ты шутишь, что ли? Даже не шути так. Тебе еще, небось, и сорока нет.

– Тридцать пять.

– Ну, Андрей из Москвы, тридцать пять лет, как это в этой... анимации вашей было? Карлсон... Мужчина в самом

расцвете сил?

Андрей улыбнулся.

– Рак мозга.

– Что? – переспросила баба Йорданка.

– Рак мозга. Три месяца дали. Как раз по туристической столько подряд можно. Вот и доживу.

Баба Йорданка опустила глаза в пол. Вот тебе и детективный убийца, международный мафиози, скрывающийся от преследования. От такого не скроешься. Бедный, бедный мальчик.

– А почему сюда?

– Дед был болгарин наполовину. Тоже от рака мозга. Вот... я и решил, что умирать можно на дальней Родине.

– А в Москве как же? А как родители твои?

– Я им не сказал ничего. Я полгода знаю. Там неоперабельно, а они бы лечить кинулись, квартиру бы продали, за-чем? Я им сказал, что купил дом тут, что поехал обустроить. Я бы даже обустроил, деньги есть. Чтобы дача им после меня осталась. Но что-то не очень у меня пока получается.

– А жена у тебя есть? Детки?

– Девушка. Я с ней расстался. Тоже не сказал ничего. Не надо...

Йорданка замолчала. Она думала о том, что как бы ни хотелось, чтобы было иначе, а жизнь все равно иногда оказывается сильнее, чем отдельно взятая воля. Что Светльо, в общем, еще повело – уйти одномоментно, молодым, да, шесть-

десять пять – вообще не возраст, но не таким молодым. И о том, что у Андрея красивые серые глаза, которые никому дальше не передадутся по наследству.

– Спасибо вам, – прервал молчание Андрей.

– Мне-то за что? – встрепенулась Йорданка.

– Что не стали ахать сейчас. И охать. И жалеть. Это очень... ценно для меня. Что не жалеете. И за сладости ваши спасибо. Вы не думайте, я все до крошки схочмячил, очень, очень вкусно. Я так-то замороженной ерунды себе накопил, в микроволновке разогреваю. А вы мне каждое утро выпечку домашнюю. Я думал, я приеду, гулять тут начну, ну, дом, опять же подлатаю, но чего-то то ли перелёт так повлиял, то ли уже куда-то совсем туда все двинулось. Лежу целыми днями. Иногда почитаю или сериал посмотрю. А так больше просто лежу. Очень глупо, да? Я думал, приеду сюда, в горы пойду, буду на красоту смотреть. Ну, хочется, знаете, наглядеться перед этим самым. А вместо этого лежу как дебил.

Баба Йорданка поднялась с кушетки. Пока Андрей говорил, у нее в голове созрел план. Это был очень четкий, очень простой план. Наверное, ничего в жизни она не видела так четко, как то, что она должна сделать в ближайшие дни. Но первым делом надо разобраться с насущными проблемами.

– Андрей, ты полежи еще, если хочешь, отдохни. А я, я это... Я к тебе зайду через часик– два. Хорошо? Ты не против?

– Нет, заходите, конечно. Извините, Йорданка, а как вас

по отчеству? Я знаю, у вас вроде не принято, но как-то мне неловко...

– Никакого по отчеству. Для тебя баба Йорданка. Понял?

– Понял, – улыбнулся Андрей и прикрыл глаза.

Йорданка тихо затворила за собой дверь, и быстрым шагом, почти бегом поспешила к себе домой. Пока она приготовит Русскому обед, нормальный человеческой обед, а не ту мороженую гадость, которую он в себя пихает, можно успеть позвонить Стефке, а потом и Биляне. Время у них еще было. Главное – его не упустить.

События следующих дней развивались стремительно, – баба Йорданка не помнила, когда в последний раз она была так занята. На следующий же день после их разговора баба Йорданка серьезно закупила в большом городском супермаркете. Потом, загрузив холодильник Андрея едой, она выгнала его смотреть кино с ноутбука в маленькой гостевой комнате дома старичков Стовых, и отдраила дом до блеска. Застелила постель, поставила в сервант новые, не сколотые по краям тарелки, застелила поцарапанный стол свежей скатертью.

Андрей попробовал, было, сунуть ей денег, но Йорданка отрезала:

– Маме своей оставь. У меня хватает.

Готовили они Андрею по дням. День – Йорданка, день – Стефка, день – Биляна. Они готовили рецепты своих ба-

бушек, томили гюведже в расписных глиняных горшочках, фаршировали перцы и запекали ягненка. На улице Росица наступили разом все праздники – Рождество, Пасха, рыбное торжество Никулден. Андрей много не ел – не влезало, но по несколько вилочек каждого блюда обязательно пробовал. Поначалу он ужасно протестовал, смущался, даже пробовал было поругаться с Йорданкой, но та была непреклонна. Три раза в день на пороге возникала одна из пожилых подруг и деликатно стучала в дверь. Андрей, хоть для виду и бурчал что-то об убийственном балканском гостеприимстве, был рад гостям.

Йорданка помнила русский лучше всех, две другие подружки делали смешные ошибки в падежах и временах, но, тем не менее, старались поддерживать с Русским разговор как могли. Вскоре он знал абсолютно все сплетни о мелких интригах местного почтамта (по словам Стефки, она была настоящим серым кардиналом и в жестокой подпольной борьбе за бесплатную кофемашину от муниципалитета ее отделение почти обошло конкурентов из соседней деревни) и о тяжелой судьбе болгарской матери, покинутой четырьмя неблагодарными детьми погибать от тоски и одиночества (тот факт, что Биляна проводила большую часть дня, вися на скайпе со всеми разъехавшимися по Европе отпрысками поочередно ей, конечно умалчивался).

Каждый вечер, независимо от того, чья сегодня была очередь готовить, Йорданка заходила пожелать Русскому спо-

койной ночи. И каждый раз она доводила Андрея до приступов искреннего, детского хохота, развенчивая тщательно плетеные подругами днем мифы.

Через неделю Андрей, то ли от домашней еды, то ли от искренней заботы, немного окреп, и они вышли на прогулку по деревне. Йорданка вела его по местам своего детства. В деревне мало что поменялось, и сарай дяди Румена с улицы Елша, тот самый, с крыши которого она в шесть лет свалилась и рассекла губу так, что пришлось ехать зашивать во врачанскую больницу, стоял себе целехонек там же, где и шестьдесят лет назад. Они зашли к Васьо, который разводил кур, и купили у него десяток яиц, зашли к Станке, которая варила лучшее в деревне вишневое варенье и к Радомиру, в чьем погребе всегда стояла внушительная батарея бутылок с домашней ракией. Она представила Русского своему маленькому миру, и мир принял его как своего. Как будто тот был не Русским, а самым что ни на есть своим, плотью от плоти, как будто купленный им дом старичков Стоевых дал ему новую принадлежность, новую пуповину, связавшую его с маленькой деревней в чужой далекой стране.

Еще через неделю, когда, наконец, окончательно распогодилось, Йорданка, Стефка и Биляна вывезли Андрея во Врацу. Это был красивый, расположенный в долине между горных хребтов городок, с чистым и просторным центром, по которому, как выразилась Стефка, Господь Бог счел бы грехом не прогуляться. Господь Бог также счел грехом не съездить

по большому дюнеру в кафе на одной из центральных улиц, запив его бутылочкой холодного болгарского пива.

Подруги не договаривались о том, как себя вести с Андреем, какие слова подбирать и каких тем избегать, просто оно само так сложилось – жить, как будто страшного срока в три месяца нет. Как будто не было того обморока и не будет будущих. Как будто нет боли и страха, а есть только быстрая и буйная болгарская весна и первое свежее солнце. В общем-то, так оно и было, солнце-то уж точно было одинаковым для всех.

Нагулявшись по центру, они решили поехать в Леденику – пещеру в горах совсем недалеко от города. Был будний день и в пещере кроме них никого не было. Они купили билеты, и, спустившись вниз по мокрым железным ступеням, оказались в «Преддверии» – первой части пещеры, которая больше остальных оправдывала ее холодящее название. Тут образовывались прозрачные скульптуры – такие же, как сталактиты и сталагмиты в более глубоких частях пещеры, только не каменные, а ледяные.

Андрей замер у одной из ледяных композиций. Если другие были похожи на башни или пирамиды, эта – невысокая, состоящая из дюжины вертикальных столбиков, напоминала группку людей. Повыше – взрослые, пониже – дети, как-то так капала сверху и застывала тут вода, что они были совершенно человеческими, эти столбики, задумчивыми, со скорбно склоненными головами.

Три женщины подошли поближе, встали у Русского за спиной.

– Как думаете, там... потом... ты совсем один?

– Нет, – ответила Йорданка. – Там ты точно не один.

– Только уходишь в одиночку, но это – так, короткое путешествие. Короче, чем отсюда до Врацы, – тихо продолжила Стефка. – Сам не заметишь.

– Да? – Андрей обернулся. В холоде пещеры его глаза как будто тоже заледенели и стали из серых совсем прозрачными, льдистыми. – Точно?

– Точно, – хором, не сговариваясь, выпалили подруги, и тут же засмеялись, так неожиданно громко прозвучало их разнесенное эхом по сводам пещеры утверждение.

Они приехали домой под вечер, когда уже почти стемнело. Выбравшись из машины, Андрей замер на месте. Весь его дом был загорожен металлическими строительными лесами. На первом уровне лесов двое мужчин – плотный, пожилой и абсолютно лысый и крепкий молодой, готовящийся рано облысеть, наносили на стену шпаклевку. Они обработали уже половину торца дома, и явно готовились к завершению работ на сегодня, домазывая кусок у одного из окон.

– Ну что, говорильня, как съездили? Как Леденика? Не закоченели там? – обернулся к ним мужчина постарше.

– Андрей, знакомься. Георгий, мой муж. И Слави, мой

старшенький, из Мадрида приехал. Вспомнил, наконец, мать родную.

– Это что? Зачем? Что это? – забормотал Андрей, неловко махнув Биляниным мужчинам рукой.

– Мой сын прилетает послезавтра. Со старшим внуком, – ответила баба Йорданка. – У него каникулы, самое время немножко на воздухе поработать, заодно болгарский подтянет. Девять лет парню, а на родном языке все бекает, мекает, никак целое предложение выдать не может.

– Но...но...

– Здесь ты тоже не один. Так уж тут происходит. И захочешь, один не останешься.

– На выходных еще мои с почты подтянутся, – добавила Стефка. – У нас один почтальон любит соседям ванные плиткой выкладывать. Такой, знаешь, всё нервный, слова ему, видишь ли, поперек не скажи, чуть что не так, сразу рывкает, а тут, смотри, успокаивается, сидит часами, плиточку к плиточке, плиточку к плиточке. Медитирует. А я тебе потом еще лаванду по периметру высажу и розовые кусты разведем.

– Но зачем? – возразил Андрей. – Я же... Мне же...

– Мы тут быстро закончим, а ты дальше сам решишь. Хочешь, пригласишь родителей, хочешь...мы потом пригласим. Ты, надеюсь, нам их доверишь?

– Да, – тихо сказал Андрей. – Доверю.

– Ну и славно, – сказала баба Йорданка.

– А... как же...

– А у нас с тобой, Русский, богатая культурная программа. Мы дамы пожилые, делать нам с Билянкой все равно нечего, ну а Стефка обещала взять отпуск...

– Я его шесть лет не брала, – подтвердила Стефка, – там столько накопилось – отдохай – не хочу.

– Так вот, – продолжила баба Йорданка. – Пока суд да дело, съездим в Софию, потом в Пловдив, в Велико Тырново, опять же, еще в Стару Загору можно, а потом на море махнем. Я тридцать лет в туризме на побережье проработала, так что там каждый камень знаю по имени-отчеству. А время... время у нас есть. Как тебе такой план? Пенсионерский отдых, а? Идет?

– Идет, – ответил Андрей. Он смотрел куда-то в сторону, но Йорданка заметила, как тот кусает губы, и быстрым жестом вытирает рукавом куртки щеку.

– Спасибо, – Андрей выдохнул, повернулся и посмотрел соседке прямо в глаза. – Спасибо, баба Йорданка.

– Давай-ка просто Йорданка, – отозвалась та. – Побудешь тут бабой с таким темпом жизни. Небось ты втихоря из Москвы привез и нас вашей скоростью заразил. Ну что, девочки, завтра – София?

Девочки отозвались стройным:

– Так точно!

– В восемь пятнадцать готовыми у моего дома. Раньше выедем, меньше на въезде в Софию торчать будем. Точно все

все поняли? – еще раз спросила Йорданка.

– Точно! – хором выпалили Стефка, Биляна и Русский, и тут же засмеялись, так неожиданно громко прозвучало в прозрачном весеннем вечере деревни их дружное утверждение.

Посмотри на розы

Смерть пришла за дедом Асеном ранним майским утром. Он, наверное, так и не понял бы, что его сон перешел из категории хрупкого в категорию вечного, если бы не искрящееся, необыкновенно-легкое ощущение во всем теле, которое подняло его над смятыми простынями, как будто само всунуло узловатые ноги в тапочки и вытолкнуло его как пузырек шампанского прямо на открытый балкон.

– Э, – подумал Асен, паря в паре сантиметров от плиточного балконного пола. – Вот оно, значит, как.

Из спальни доносились ритмичные всхрапы бабы Стоянки, и Асен подумал, что надо бы вернуться, провести на прощание рукой по морщинистой щеке, сказать какие-то последние слова, обязательно важные и короткие, такие, чтобы сразу запомнились – не зря же в туалете вот уже десяток лет валяются «1000 афоризмов великий людей», – но искрящаяся тяга, держащая его над землей, не дала.

– Нет, не сейчас, – как-то само собой возникло во рту у Асена. – Не стоит.

Слова были круглыми как пузырьки шампанского, и оказалось, что их можно катать на языке как крохотные икринки. Асен раскусил одну икринку – это было слово «сейчас» – и рот наполнился вкусом свежесобранной земляники. Дед удивился, и закатил оставшиеся слова за щеку – пусть пожежат, на черный день.

В голове тут же раздался мелодичный звон колокольчика – это шампанская тяга залилась хохотом.

– Ну ты, дед, и придумал! Какой еще черный день? Чернее-то не бу-у-дет!

Тяга смеялась беззлобно, понял Асен. Не над ним, а так, скорее, над ситуацией.

Во рту оказалось сразу три предложения, и Асен рискнул, раскусил все разом. «Дед» давал легкий кофейный привкус, «черный» неожиданно имел вкус дыни, «день» звенел соком закушенной травинки, а «будет» оставило послевкусие калорийной булочки с изюмом.

– И что теперь? – спросил Асен.

– Посмотри на розы, – шепнуло внутреннее шампанское, и эти слова стекли по дряблой стариковской шее вниз под майку. Асен поежился от холода и, с легкостью перемахнув балконное ограждение, выпорхнул в сад и завис прямо над огромным розовым кустом – гордостью Стоянки.

Асен уставился на розы – половина бутонов еще не раскрылась, но несколько нежных ярко-розовых цветков уже распустились, и дрожали под тяжестью утренней росы. Асен

немного повисел над розами, тихонько кхекнул, чтобы привлечь к себе внимание, но его кхек остался незамеченным.

– И? – робко поинтересовался старик. – Что дальше?

Шампанская тяга опять захохотала. Видимо, сегодня она была в прекрасном расположении духа, и своим смехом даже подбросила Асена на десяток сантиметров вверх.

– Да ничего! – отсмеявшись вложила тяга в Асеновы уши.

– В смысле, ничего? Сказано же, посмотри на розы, я и посмотрел.

– Ну и молодец!

– Так мне дальше-то на них смотреть? – начал терять терпение Асен.

– Ну, посмотри!

Асен уставился на розы. По лепесткам одной из них медленно прополз большой зеленый жук.

– А на жука тоже смотреть? – опасливо поинтересовался дед.

– Хочешь – смотри! Не хочешь – не смотри! – великодушно разрешила шампанская тяга, – Тебе виднее!

– Это... то есть... там, куда мы дальше.... Там что, роз нету, да? – быстро спросил Асен, оглушенный внезапной нехорошей догадкой. – И жуков нет, да?

– Завались! И розы, и жуки, и даже колибри имеются. Дефицитов не наблюдаем! – радостно заверила тяга.

– Так я тебе и поверил, – недовольно пробурчал Асен.

Дед на всякий случай погладил жука по переливчатой

спинке. Тот в ужасе замер под шершавым стариковским пальцем, и как только Асен убрал руку, жук расправил крылья, и улетел от греха подальше.

Асен засунул руки в карманы пижамных брюк, и посмотрел на небо. На нем не было ни облачка. Ему стало неловко. Наверняка, недавно усопшие в массе своей бывали более сообразительны и не позорили свои шампанские тяги бестолковым поведением.

–Послушайте, – прокашлялся старик. – Не знаю даже, как к вам обращаться...

– Обращайся как тебе удобно, дружище, – прошелестела тяга легким ветерком.

– Я не совсем понимаю, если туда, – он кивнул в сторону балкона, – мне нельзя, то... может быть... как-то переместимся куда-то... дальше?

– Зачем спешить?

– Вот как, – сглотнул тут же возникший в горле ком Асен. – Впереди, значит, бесконечность? Рай, допустим... Или ад... Вы, извините, не в курсе, куда меня?

Тяга опять подкинула его вверх.

–Уф, – отсмеялось внутреннее шампанское. – Уморил, ей богу. Времени, говорю, полно.

– Послушайте, – начал терять терпение Асен. – Нет, послушайте, это безобразие какое-то. Вы... у вас должны же быть какие-то должностные инструкции? Вы же должны мне как-то разъяснить ситуацию! Провести инструктаж, в конце

концов!

– Посмотри на розы, – нежно прошептала тяга.

– Да смотрю я! Смотрю – розы! Вот они! Мне что, сосчитать их надо? Ну, штук двадцать на кусте. Тебе точный, что ли, номер нужен? Раз, два, три...

– Посмотри на розы.

– Розы! Тебе латинское название? Роза дамасцена, а может и не дамасцена, черт ее знает, у Стоянки спроси, я в них не понимаю ничего.

– Посмотри на розы.

– Да чтоб тебе провалиться с твоими ро...

Асен осекся на полуслове. Он вдруг заметил, как солнце играет в тяжелых каплях, и видно прожилки – как вѣнки на каждом лепестке. Как в сердцевинах дрожит на тонких стебельках желтая пыльца. Как шмель, прилетевший на утреннее опыление, устраивается поудобнее на цветке. Он вдруг услышал. В саду было громко, почти оглушительно – жужжали многокрылые насекомые, перекрикивались, перескакивая с ветки на ветку, и клевали созревающие черешни какие-то маленькие коричневые птички. Даже трава, колыхаясь, издавала какую-то свою, только ей понятную музыку.

– Я не... слышал... Я никогда не обращал никакого..., – прошептал старик.

Асена подбросило в воздух – высоко, выше черешневого дерева, выше крыши дома, выше улицы, так высоко, что стало хорошо видно махину телебашни на горе Витоша, а где-

то совсем вдалеке блеснул золотом купол храма Александра Невского.

– Ничего, – успокоила шампанская тяга, поддерживая Асена в небе над все еще спящей Софией. – Я же говорю, времени полно.

Дед Асен направил внутреннюю тягу по направлению к центру города, и полетел, щелкая на зубах, как икринки, самые важные последние слова. «Полно» было с кислинкой, как домашний лимонад с веточками мяты, а у «времени» был вкус сливочного мороженого.